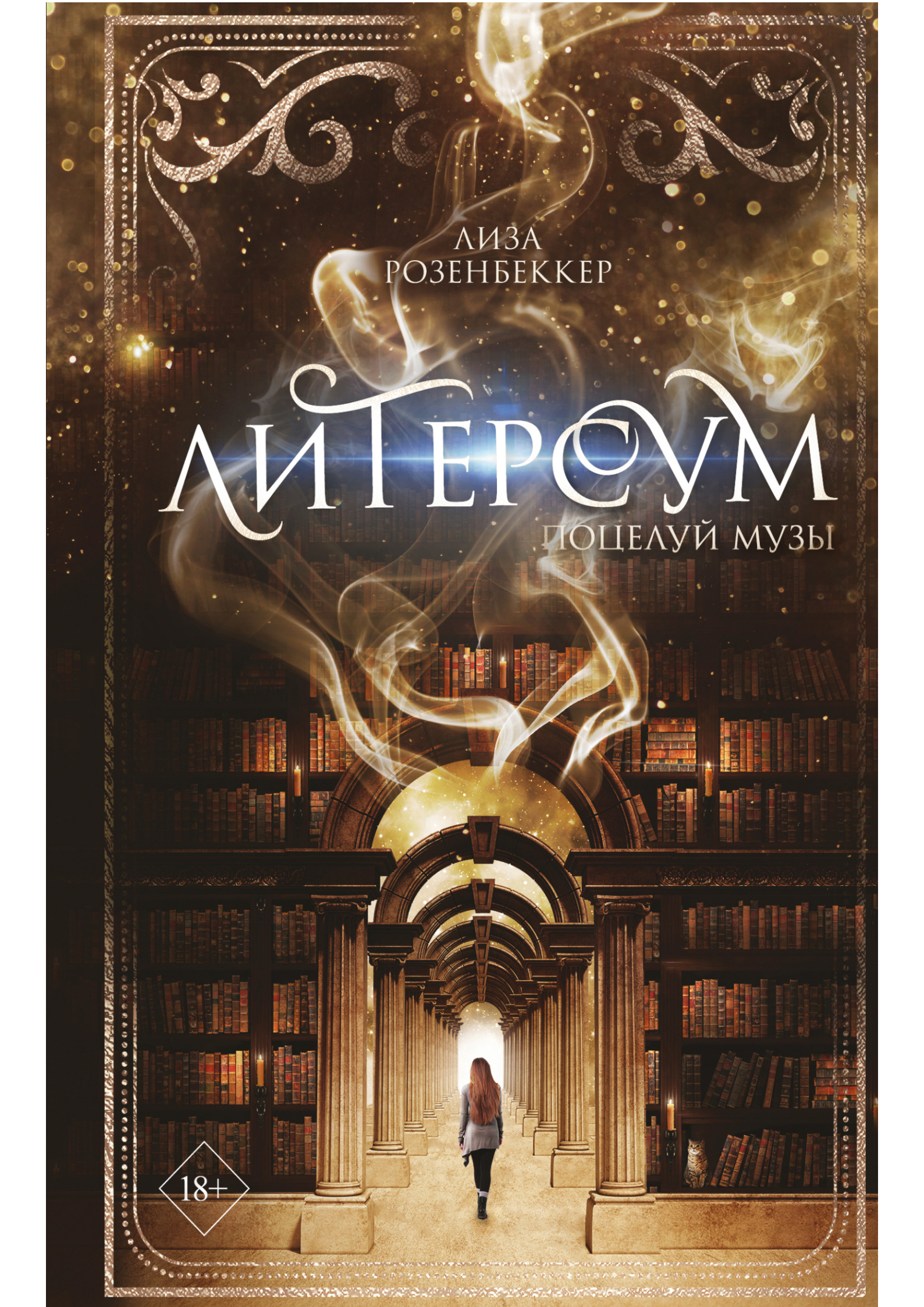

ЛИЗА
РОЗЕНБЕККЕР

ЛИТЕРАТУМ

ПОЦЕЛУЙ МУЗЫ

18+

Young Adult. Литерсум

Лиза Розенбеккер

Поцелуй музы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

Розенбеккер Л.

Поцелуй музыки / Л. Розенбеккер — «Эксмо», 2019 — (Young Adult. Литерсум)

ISBN 978-5-04-161333-4

Всем известно, что поцелуй музыки способен сделать человека талантливым писателем. Но мало кто знает, что в Литерсуме, Вселенной книжных миров, существуют и антимузы, и Малоу Уинтерс – одна из них. У девушки есть доступ ко всем книжным мирам. Однако Малоу не дарит вдохновение, а, наоборот, стирает идеи, которые еще не изложены на бумаге, одним поцелуем. Девушка уже давно смирилась со своими обязанностями, однако, когда молодой детектив Скотленд-Ярда Крис Лэнсбери начинает подозревать ее в убийстве двух писателей, Малоу ничего не остается, кроме как попытаться разгадать эти загадочные происшествия вместе с ним. Они отправляются на поиски настоящего преступника и ведут расследования сразу в двух мирах – реальном и книжном. Но чем больше Малоу пытается распутать клубок лжи, тем сильнее меняются ее представления о Литерсуме.

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-161333-4

© Розенбеккер Л., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лиза Розенбеккер Поцелуй музыки

Лучшей маме на свете

Lisa Rosenbecker
Litersum: Musenkuss

Published by arrangement with Ferly.

© Бабилова М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Меня зовут Уинтерс, Малу Уинтерс, и у меня есть лицензия на поцелуи.

Улыбаясь, я патрулировала книжную лавку «Вествордс», обитая в собственных мыслях. Я слишком много раз смотрела фильмы про Джеймса Бонда. И все же, стоя за книжной полкой, которая доходила мне до груди, и наблюдая за своей «целью», чувствовала себя тайным агентом. Ева – так звали молодую девушку, фотографию которой я держала в руке. С того времени, когда было сделано фото, она изменилась. Я сравнила ее с изображением, которое уже досконально изучила: вместо длинных пшеничного цвета волос теперь она носила каре, эта прическа шла ей намного больше. Из-за сильного макияжа она выглядела старше своих двадцати пяти лет, и это меня огорчило. Она излучала естественную красоту, ей не нужно было использовать темно-серые тени, чтобы подчеркнуть миндалевидную форму глаз, и розовый блеск, чтобы добавить губам пухлости. И все же это была именно она, у меня не было никаких сомнений.

Я аккуратно убрала фотографию в боковой отдел сумки, чтобы не повредить. Позже я собиралась вернуть фото обратно в папку с документами, откуда взяла его. Мои пальцы поглаживали талисман, который я всегда носила с собой. Старый брелок из резного камня, размером с мой мизинец. Он изображал профиль мужчины, который, улыбаясь, смотрел в сторону; казалось, на контуре, обозначающем его затылок, отсутствовали детали. На носу тоже был сколот уголок. Я бросила на брелок быстрый взгляд и потеряла неровный камень. Эта вещь была единственным воспоминанием об отце, которого я не знала. Но из-за него я снова находилась здесь и была вынуждена совершить кое-что... печальное. Я запретила себе считать, что в этом таился злой умысел. Ничего такого.

Это было необходимо для выполнения важной задачи.

Я закусила губу. Снова повторила слова миссис Пэттон, чтобы приободрить себя. Все зашло очень далеко. Ирония, с помощью которой я пыталась смягчить ситуацию, не срабатывала.

Я в последний раз дотронулась до талисмана и сделала глубокий вдох. Настало время выполнить план. Когда я подняла голову, увидела, что к Еве обратился покупатель, спрашивая совета. Они повернулись к полке с книгами, и Ева стала показывать разные названия. Это должно было занять какое-то время. Но как только Ева останется одна, мне нужно действовать.

В ожидании я достала с полки пару книг, рассеянно полистала их и поставила обратно. Немного дольше я задержалась на томе, на обложке которого красовалось причудливое название «Покажите мне вашу кошку, и я скажу, кто вы». Я фыркнула.

– Если взглянуть на меня глазами Шелдона, я, должно быть, дистанционный пульт управления и наполнитель миски, – пробормотала я. Своему коту Шелдону я нужна была по большей части для того, чтобы он мог смотреть свои любимые сериалы – предпочтительно с супергероями – и наслаждаться во время просмотра кошачьим кормом. Иначе он бы вообще во мне не нуждался. Не считая периодических почесываний. И, конечно, я должна была убирать лоток, когда он с жалобным мяуканьем носился туда-сюда по квартире из-за того, что в наполнителе лежал крошечный мокрый комочек. Щепетильный – да, он был таким. Но я любила Шелдона, и одна лишь мысль о нем заставила меня улыбнуться. Сердце сжалось от тоски по дому.

Я, вздрогнув, очнулась от размышлений и положила книгу про кошек и их хозяев, точнее, хозяек, обратно на полку. К счастью, Ева снова была одна и сортировала книги. Уже пять лет она работала в «Вествордс» и отвечала помимо прочего за чиклит-уголок, где мы и находились. Полки блестели от светлых, «женских» тонов корешков и названий, из-за которых мне было стыдно и одновременно хотелось смеяться. Уже три года, посвящая этому любую свободную минуту, Ева писала юмористический роман, тема которого мне правда не нравилась. И я сделала бы все возможное, чтобы ее история не очутилась на этих полках.

Задумавшись об этом, я сглотнула. В такие моменты терпеть не могла быть антимузой. Тем, кто одним поцелуем может лишить автора его идеи, а вместе с этим и мечты всей жизни.

«И как иронично, но в университете ты изучаешь литературоведение», – насмеялся надо мной внутренний голос. Дрожь в коленках не заставила себя долго ждать. Теперь были каникулы, и мне не требовались отговорки, чтобы не посещать занятия или избегать встреч с одноклассниками, но как только начнется семестр... Я покачала головой. Об этом можно подумать и после.

Вздыхнув, я приступила к действиям – промедление, в конце концов, только усугубляло ситуацию. Как обычный покупатель, занятый поиском, я подошла к Еве и остановилась рядом. Она улыбнулась, и внутри у меня все сжалось.

– Могу я вам чем-то помочь? – Ее голос прозвучал звонко и радостно.

– Нет, спасибо. Я осматриваюсь. – Я указала на книги перед собой. Вблизи это смешение цветов казалось еще более кричащим.

– Здесь можно найти настоящие сокровища, даже не ожидая, – заметила она и подмигнула. Если не сделаю задуманное сейчас, то не переживу этого. Я неуклюже вытянула с полки желто-голубой том мемуаров, который стоял на уровне моих глаз, и он вместе со своими соседями упал на пол. Из-за резкого шелеста бумаги и глухого звука, с которым книги ударились о пол, мне стало нехорошо.

– О, нет! Извините, – вскрикнула я и опустилась на колени.

– Не беда, бывает. Книги иногда стоят слишком тесно, – ответила Ева, все еще улыбаясь, и помогла мне все собрать. Ее лицо находилось близко от моего, к тому же мы оказались вне поля зрения других покупателей. Я бросила быстрый взгляд через плечо, затем снова посмотрела на Еву. Опираясь левой рукой о пол, я наклонилась к ней. Как обычно – а я уже имела опыт в этом, – я почувствовала магию, плывущую в моей голове серым облаком, словно это была мысль, которую можно выразить только темными цветами. Мои губы покалывало, когда я приближалась к ее щеке. Ева оцепенела. Это тоже являлось частью моего дара. На несколько мгновений до и после поцелуя писатели застывали на месте, оставаясь неподвижными. Это давало мне два преимущества. Во-первых, в последний момент они не били меня по лицу, во-вторых, я выигрывала время, чтобы спокойно удалиться. Когда они снова приходили в себя, то забывали об инциденте. И обо мне. Словно меня никогда не существовало, как и идей, которые я у них отбирала. Я осторожно коснулась губами ее кожи. Облако в моей голове стужалось,

становилось темнее, будто вот-вот вспыхнет молниями. Словно движимое невидимым ветром, оно изменило форму и стало больше. Оно поглотило идею Евы, вобрало в себя элементы, связанные с ней. Внутренним зрением я увидела, как вспыхнули герои, фрагменты истории и отрывки текста. Я буду носить их в себе еще пару часов, после чего они растворятся в темноте, созданной магией. Навсегда.

Поцеловав ее, я отодвинулась и отошла к полке, из-за которой наблюдала за Евой. Краем глаза видела, как она, постепенно приходя в себя, в замешательстве нахмурилась. Она моргала, уставившись в пустоту. Затем пожала плечами и выпрямилась, держа в руках поднятые книги. Перед тем, как поставить их на полку, Ева бережно провела рукой по переплетам. Мое задание было выполнено. Ева придет сегодня вечером домой, включит ноутбук, посмотрит на свою рукопись и через пару минут решит отправить ее в корзину. Желание писать у авторов, которые пережили поцелуй антимузы, не исчезало, только с определенными идеями было покончено. *Миссия выполнена, агент ноль-ноль-чмок.* Уголок рта приподнялся, когда мое чувство юмора снова ожило. Хорошо. Ведь без него я давно бы уже сдалась.

Книга про кошек, которая до сих пор лежала там, где я ее оставила, снова привлекла мое внимание. Внезапно у меня возникла мысль – взять ее с собой в качестве подарка Шелдону, которому он на самом деле не очень-то обрадуется. Хотя для меня она стала бы хорошим развлечением. Я оплатила книгу на кассе и вышла из «Вествордс». За дверью меня окатило солнечным светом и энергией, которой была заряжена жизнь Лондона. Суетливые туристы со всего мира сновали по городу, фотографировали красные автобусы и черные такси и размахивали палками для селфи, будто современные мушкетеры. Их восхищение можно было понять. Трудно было поверить, что и в Лондоне бывают прекрасные весенние дни с сияюще-голубым небом. Вазоны с цветами украшали тротуары, добавляя в городской пейзаж красочные пятна, хотя Лондон и без этого был ярким. Мне нравилось многообразие людей, звучание разных языков – создавалось впечатление, что Лондон был не городом, а целым миром, где всегда можно открыть что-то новое.

На солнце мне стало жарко, и я сняла черную толстовку, прежде чем направиться домой. Дорога занимала всего двадцать минут пешком, а при такой погоде ехать на автобусе казалось кощунством. В кафе за углом я заказала черный кофе с собой, который попросила налить в свою термокюжку с миньонами. В некоторых частях города кофе приравнивалось к смертным грехам. Лондон – соответствуя стереотипным представлениям – был полон любителей чая, которые неохотно признавали, что он никогда не станет таким же популярным как кофе, сдобренный сиропом, шоколадной стружкой и рисунками из какао на молочной пенке. Некоторые англичане считали этот напиток лишь веянием моды и говорили, что его популярность должна скоро пройти. Но ждать им пришлось бы долго. Такие лондонцы, как я, постепенно разрушавшие культ чая, держались совершенно другого мнения. Не говоря уже о многочисленных туристах, которые в большинстве своем принадлежали лагерю кофеманов. По крайней мере, мне так казалось.

Когда я вошла в свою квартиру и закрыла дверь, Шелдон уже ждал. Он встретил меня возмущенным мяуканьем, затем потопал на кухню и демонстративно остановился у пустой миски. *Наполнитель миски*, как я уже говорила.

– Толстячок, ветеринар считает, что тебе нужно похудеть. Следующую порцию ты получишь только вечером. Извини.

– Мррмяу, – промяукал Шелдон, действительно необычный звук от необычного кота. Не удостоив меня даже взглядом, он отправился к дивану, запрыгнул на него и улегся на свою любимую подушку. Подобно своему тезке из известного телесериала, он всегда выбирал одно и то же место. Так появилось его имя. Когда я заметила эту особенность в первые дни его жизни у меня.

Он ждал, что я развалюсь рядом с ним на диване, и мы вместе насладимся Капитаном Америкой из Мстителей. Ему требовался кто-то, кто выполнит работу дистанционным пультом. Но от нее я собиралась отказаться. Я опустила рядом с ним на диван и вытащила из сумки новую книгу, чтобы ткнуть его в нее носом.

– Сегодня вместо супергероев мы займемся самообразованием, – заявила я. Не могу сказать, что восторгу Шелдона не было предела. Но так как он не мог переключать лапами каналы, то смирился со своей судьбой и свернулся возле меня в клубок. Я открыла книгу и прочитала первую страницу, почесывая Шелдона за ушком. Так можно было отвлечься от картин, представляющих чужие идеи, пока облако не поглотит их целиком.

Читая книгу, я получила достаточно информации о том, что у сумасшедших кошек обычно бывают сумасшедшие хозяева или хозяйки... Я повернулась к Шелдону, который в действительности был взбалмошным, но заслуживающим любви котом. Если бы те же качества относились и ко мне, я была спокойна.

Каждая древняя муза из девяти обладала определенным артефактом, который олицетворял ее, представляя что-то подобное символу или пиктограмме. Иногда я представляла, что Шелдон был для меня чем-то таким. Малу – антимуза мяукающего искусства. Да, в этом что-то было.

Глава 2

Днем позже я очутилась перед магазином «Книги Мэтью». Старая, но очень уютная книжная лавка была расположена всего в двух улицах от моей квартиры. Фасад из темно-зеленого дерева, два больших круглых окна и немного перекошенная дверь блестели в свете солнца. Над входом красовалась сделанная собственноручно мистером Мэтью вывеска со стилизованным изображением чашки чая, на которой стояла книга. Чай, чай и еще раз чай. Чайные фанаты скорее отказались бы от традиционных такси и автобусов Лондона, чем допустили бы возможность отказаться от любимого напитка. Ген, отвечающий в моей семье за любовь к чаю, должно быть, уже давно был утерян. Бабушка, мама и я, родившиеся и выросшие в Англии, никогда не относились к любителям чая. Но кофе... Безумно обожали. Что сказала бы бабушка, если бы увидела меня сейчас? Мне не хватало ее советов. Я стерла с щеки слезу и бросила взгляд на книжную лавку.

Внутри я увидела не только книги, но и читающих любителей чая, которые развалились на диванах и креслах. Мистер Мэтью каждый день заваривал новый сорт чая, предлагая к нему список подходящих книг. Стоило спросить, может ли он сделать то же самое с кофе. Тогда, наверное, и у меня появилось бы ощущение спокойствия, чтобы сесть и почитать хорошую книгу. Чего давно не случалось. Справочник о кошках явно не считался. Мне нужна была толстая книга фэнтези, в которой я могла бы утонуть на несколько часов или даже дней. Взявшись за дверную ручку, я впала в искушение зайти в магазин и покопаться среди книг. Раньше я могла часами разгуливать вдоль книжных полок и листать страницы своих находок. Но с тех пор, как я узнала о своем наследии антимузы, это стало даваться мне с трудом. Каждая книга, которую брала в руки, напоминала мне о других трех, которые я уничтожила на начальном этапе их создания. Всякое желание читать испарялось. Нет, сегодня ничего не изменилось. Я сделаю то, зачем пришла сюда, войду в лондонскую библиотеку параллельных миров – Параби.

Я нажала на золотистую ручку и прошептала: «Гесиод». Имя создателя первого книжного мира, который заложил основу Литерсума, вселенной всех историй. В своем произведении «Теогония» Гесиод создал мир вокруг греческой богини Мнемозины и ее девяти дочерей, которые стали первыми музами. Музы вырвались из книжного мира в реальность, чтобы дарить писателям всего мира поцелуи. Так возникли другие книжные миры, которые ожили в Литер-

суме. Мнемозина – богиня воспоминаний, которую некоторые называли богиней памяти, с тех пор следила за Литерсумом. Параби, узловой пункт так же, как и управление по поцелуям, были созданы ею с помощью дочерей, чтобы привнести порядок в хаос и сделать возможным для персонажей книг странствие между мирами. Только благодаря Мнемозине и ее дочерям за дверью магазина «Книги Мэтью» меня ожидало то, что выходило за грани понимания большинства людей. Поэтому было хорошо, что о Литерсуме знали совсем немногие.

Дверь скользнула назад, и по ту сторону меня встретил тяжелый таинственный воздух библиотеки параллельных миров, которая соединяла реальный мир с Литерсумом. Старая бумага и кожа, дерево и пыль создавали в этой библиотеке особый запах. Темный отполированный паркет, постеленный по всему зданию, казался мне таким же обычным, как и в моей квартире. Но я не переставала поражаться бесчисленным книжным стеллажам, которые тянулись по обе стороны от меня. Стеллажи были раз в десять выше моего роста и казались башнями из темно-коричневого дерева, открывавшими свои сокровища только смелым. Книги стояли на полках переплет к переплету, каждая лишь в одном экземпляре. Здесь были собраны все существующие книги, написанные лондонскими авторами, и те книги, действие которых происходило в Лондоне. Столица Англии удостаивалась любви писателей всех времен и стран, поэтому собрание книг было огромным. Фантастические истории, исторические романы, детективы – все хранилось здесь. Из лондонской Параби можно было попасть в любой книжный мир Лондона, который существовал в Литерсуме. Герои историй имели возможность войти в Параби и прогуляться по другим книгам и даже мирам. Что никак не мешало их собственным... Ведь их миры навечно оставались такими, какими они сложились к концу книги или серии книг. В их историях царил полное спокойствие, которое допускало лишь минимальное последующее развитие жизни персонажей. Они могли меняться только на эмоциональном уровне. Находить друзей за пределами своих книг, влюбляться и путешествовать, сколько им захочется, но их тела не менялись, они оставались бессмертными, пока существовал Литерсум.

Единственным исключением были такие, как я. Дети реальных людей и выдуманных персонажей, чье существование противоречило всякой логике. Мы были связующим звеном между двумя вселенными. Тем не менее я чувствовала себя дома лишь в одной из них – в реальной.

За лондонской Параби приглядывала миссис Бэдэм. Она была библиотекарем и, как и остальные служащие, книжным персонажем из мира, который скрывался на одном из стеллажей. Миссис Бэдэм была образцовым библиотекарем, или просто ее персонаж был вдохновлен работой, которую на него возложили. У нее имелись строгие правила, благодаря которым удавалось избежать хаоса, даже несмотря на такое огромное количество героев. Все общались между собой очень тихо, нигде не лежало брошенных книг, не существовало ни малейшего риска, что хоть одна страничка будет испачкана едой или напитком. Миссис Бэдэм видела все. Пучок на ее голове был третьим глазом, и все, кто часто тут бывал, знали это. Но никто об этом открыто не говорил. И уж точно не мне. Я выяснила это самостоятельно, очутившись в поле зрения третьего глаза, и до смерти испугалась, когда миссис Бэдэм внезапно строго произнесла мое имя. В тот день я осмелилась принести с собой в Параби кофе в термокружке. Ошибка, которую я никогда больше не совершала.

Лишь в углу, на диванчике, который находился за ее кафедрой, разрешались еда и напитки. Туда можно было даже взять что-нибудь почитать. Если ты зарекомендовал себя как благоразумный читатель. Одним из тех, кто был удостоен такой чести, являлся мой наставник – Том, с которым я должна была встретиться.

Как и предполагала, он уже сидел там на ржаво-коричневом кресле. Перед ним на столе стояла чашка чая, в руке он держал толстую книгу, в которую, казалось, был полностью погружен. Его пальцы аккуратно поглаживали переплет, а взгляд быстро перемещался по строчкам. Том был книжным персонажем. Он происходил из ранневикторианской истории и был одет

подобаяющим образом. Коричневый жилет поверх светло-серой рубашки, в дополнение к повидавшим уже немало брюкам из темно-серой ткани. Многие лондонские персонажи были одеты подобным образом, эта эпоха была бесспорно самой любимой, если говорить о книгах этого города.

Светло-рыжая челка Тома была растрепана, так как он имел привычку играть с ней во время чтения. В свои двадцать четыре года он был старше меня на пять лет, но выглядел намного взрослее. Кожа у него была бледная, местами покрытая глубокими морщинами, а волосы тонкие и тусклые. Все это являлось побочным эффектом принадлежности героя к викторианской эпохе, неважно, отражало ли это реальность или было чистой выдумкой. То время истощало людей, и я всегда чувствовала себя счастливой, что родилась в другую эпоху. Но Том не жаловался. Он был спокойным и скромным персонажем, который не тратил лишнюю энергию, чтобы злиться из-за вещей, которые он в любом случае не смог бы изменить. Я иногда завидовала этому, ведь далеко не в каждой ситуации могла проявить терпение. Как и теперь, проходя мимо собравшихся персонажей и направляясь к Тому. Разговоры стихали, как только я оказывалась достаточно близко, я почувствовала на себе пронизывающие, злые взгляды. Как и всегда, когда появлялась тут.

Будучи антимузой, я препятствовала возникновению новых книжных миров. В глазах персонажей я была... злодеем. Мои руки вспотели, и я вытерла их о брюки. Но, посмотрев на Тома, снова успокоилась. Я пыталась не показывать, что разнервничалась из-за внезапной тишины.

Том заметил меня, только когда я опустилась на стул рядом с ним. Он поднял голову, и улыбка медленно расползлась на его лице. Том, в отличие от остальных, разговаривал со мной.

– Малу, рад видеть тебя! – Он захлопнул книгу и, не отрывая от нее тоскующего взгляда, отложил в сторону. – Хочешь чего-нибудь выпить? – Он взял бутылку воды, стоявшую на столе.

– Нет, большое спасибо, – сказала я, повернув стул спиной к остальным. Они тихо продолжили свои разговоры. Мое бунтарское настроение не удивило Тома.

– Что ты читаешь? – поинтересовалась я.

Глаза цвета лесного ореха засветились, его рука до сих пор лежала на темной твердой обложке. Он постучал по ней пальцами.

– Детективный роман, действие происходит в будущем. Крайне захватывающе. Тебе обязательно стоит прочитать.

– Мне не очень нравятся детективы. – Достаточно пожить с мамой, работающей в службе столичной полиции, которую называют Скотленд-Ярд или иногда ласково Метрополитен, чтобы послушаться жутких и кровавых историй.

– Невежда, – сказал Том и засмеялся. Я закатила глаза, так как он упрекал меня каждый раз, когда я отклоняла его рекомендации.

Ведомство муз полгода назад назначило Тома моим наставником и посредником. Он следил за порученными мне заданиями, так как в Литерсуме существовали уголки, недоступные мне. Кроме того, в узловой пункт, из которого можно было отправиться в различные книжные миры и ведомства других стран, за меня наведывался Том. И меня это устраивало. Хотя мне было очень интересно в Литерсуме, я не хотела погружаться во все это слишком глубоко, чтобы избежать опасности и не пробудить таящуюся внутри меня темноту. Да, это звучало странно, но если твой отец родом из трагедии, невозможно быть слишком осторожной.

Я вытащила из сумки документы Евы и положила перед Томом на стол.

– Задание успешно выполнено.

Том вытянул из папки бумаги и довольно кивнул.

– Я передам их в управление завтра же утром. Миссис Пэттон обрадуется.

– И это самое главное, не так ли? – сказала я, пытаюсь скрыть иронию и недовольство в голосе.

Миссис Марта Пэттон совместно со своим мужем Робертом руководила управлением муз и была из тех женщин, которые уходили смеяться в чулан. С тех пор, как она разыскала меня на мое восемнадцатилетие, чтобы сообщить о моем даре музыки, она едва выносила меня. Всегда была недружелюбна ко мне, постоянно ворчала, если я задавала вопросы, и с самого начала дала мне понять, что в узловом пункте и управлении мне делать нечего. Может быть, она думала, что я зацелую всех добрых муз и разрушу репутацию их учреждения. Иногда я сомневалась, что мой дар вообще мог принести какую-то пользу. Я еще многого не понимала, тем не менее придерживалась наставлений миссис Пэттон и не задавала лишних вопросов. Так было лучше для всех.

– От того, что ты хмуришь лоб, у тебя появятся морщины, – насмешливо заметил Том и помахал рукой перед моим лицом.

– Я подумала о миссис Пэттон, – призналась я и потерла лицо, чтобы расслабиться. Это не очень-то помогло.

– Ах, понимаю, – сказал он и подмигнул. Его рот изогнулся в сочувствующей улыбке. Он догадывался, что именно я думаю о ней. Из вежливости он не подавал виду, но я знала, он ее тоже не любит. Он напрягался в ее присутствии и облегченно вздыхал, когда она отворачивалась. Ее муж был, вероятно, намного приятнее, но лично я с ним знакома не была и полагалась лишь на то, что Том рассказывал о нем. Ах, если бы именно он тогда разыскал меня и сообщил, что я способна стирать у писателей идеи! Возможно, тогда это не стало бы для меня таким шоком. Но он выполнял в управлении другую работу.

Том вздохнул и сделал глоток чая.

– В любом случае я верну документы и сообщу, если для тебя появится очередное задание. Теперь я даже умею писать СМС! – Он гордо выпрямился.

– Я бы посмотрела на это!

Том пошарил в кармане и вытащил древний телефон, который ему предоставили в управлении, чтобы, путешествуя по разным мирам, он мог оставаться со мной на связи. Том начал печатать. Мой телефон был намного современнее, с сенсорным экраном и выходом в интернет. Я достала его из кармана и подождала. Не знала точно, как работает соединение на телефонах между мирами, в любом случае здесь не обходилось без магии. Управление наверняка осуществлялось из какого-то книжного мира. Передача данных между мирами была строго регламентирована, как и все остальное, но в целом не запрещена. И, конечно, не для Мнемозины и ее управления, которое можно было назвать правительством Литерсума.

И действительно, минутой позже мой телефон запищал и показал уведомление о новом сообщении.

Привет, Малу.

– Очень хорошо, – похвалила я Тома и убрала телефон. – Если появится новое задание, мы будем общаться таким образом. Тогда ты сможешь больше тренироваться и будешь печатать быстрее.

Но Том меня уже не слушал. Он с тоской косился на детектив.

Я ухмыльнулась. Этот взгляд мне был знаком. По крайней мере, я знала, как он себя чувствует сейчас. Зависть уколола в сердце.

– Очень увлекательно, не так ли?

Он вздохнул, но не поднял глаз.

– Можно сказать и так. Но это не значит, что я хочу от тебя избавиться, – возразил он и заставил себя поднять взгляд.

– Все в порядке. Я понимаю. Нет ничего лучше хорошей книги. Тогда я снова оставляю вас наедине. – Я поднялась и придвинула стул обратно к столу. *«Не вставай между читателем*

и книгой, – всегда говорила моя подруга Эмма. – *Чаще всего из этого не получается ничего хорошего».*

Том ухмыльнулся и снова схватил детектив.

– До скорого! – выдал он и исчез в истории. Образно выражаясь, не дословно. Нам все-таки приходилось использовать двери.

Я уже покинула уголок Тома и направилась к выходу, как вдруг кто-то выкрикнул мое имя.

– Малу, подожди!

Не успев повернуться туда, откуда донесся голос, я заметила, как миссис Бэдэм развернулась ко мне и скривила кислую мину. Она не переносила громкие голоса. Она сверкнула взглядом на виновника, находящегося у меня за спиной, и вновь перевела внимание на экран компьютера. Ой, кажется, ее взгляд меня действительно уколол. Но обернувшись, я нахмурилась. Меня звала Эмма Холмс. Словно я призвала ее своими мыслями.

Если на свете и существовал человек, на которого миссис Бэдэм не производила никакого впечатления, то это была Эмма. Она, как и я, всего полгода исполняла обязанности антимузы. На самом деле, ее фамилия была не Холмс, а Миллер. Но Эмма была самым ярким фанатом Шерлока Холмса из всех, кого я знала, она старалась ему подражать во всем, в чем только могла. Все зашло настолько далеко, что она иногда носила вещи викторианской эпохи и даже шляпу охотника за оленями (шляпу Шерлока Холмса), скрывая под ней свои белокурые локоны. За полгода нашего знакомства я ни разу не видела ее в другом образе. В ее кармане всегда лежала лупа, она называла себя детективом, раскрывающим преступления в книжном и реальном мирах.

Ее родители, точнее сказать, мама и отчим, держали детективное агентство, в котором как раз и работала Эмма. Миллеры консультировали Метрополитен, и, конечно, Эмма часто вмешивалась в расследования.

Она с раннего детства росла на загадках и была чертовски хороша в их разгадывании. Она, как и я, до сих пор жила с родителями и изучала криминалистику. После окончания учебы она хотела стать полноценным партнером в детективном агентстве.

– Хэй, Эмма, – поприветствовала я. – Ты здесь по делам?

Она, запыхавшись, обняла меня. Эмма относилась к типу людей, постоянно находящихся в движении и пьющих эспрессо лишь для того, чтобы подзарядиться. Ее сердце полностью принадлежало «Эрл Грей». Щеки Эммы слегка покраснелись, а шляпа Шерлока Холмса съехала набок, но она ее поправила.

– Ага, – сказала она и ухмыльнулась. – Я иду по следу пропавшей флешки.

– На ней важные документы?

– Ооочень важные, – прошептала она драматично. – На ней находится множество фотографий капкейков.

– Интересно знать, кто такие капкейки?

– Нет, я не это имела в виду. Да это и не относится к делу. Я хотела спросить, не хочешь сходить на выходных в кино? – Ее глаза сияли.

– Что за фильм?

Ее ухмылка стала еще шире, и я поняла, о чем идет речь. Я подняла руку.

– О'кей, ничего не говори. Это что-то связанное с Бенедиктом Камбербэтчем, Шерлоком Холмсом или... одним из братьев Хемсворт, верно? Да, неважно, я согласна.

– Потрясающе. – Эмма захлопала в ладоши. – Пусть это будет для тебя сюрпризом. Дальнейшую информацию я тебе вышлю. А сейчас мне пора идти. Береги себя! – И она, оставив меня, направилась к главному выходу, преследуя преступника. Персонажи книг не переносили антимуз, таких, как я и Эмма, но они были достаточно прагматичны и просили Эмму о помощи, если нуждались в ней. Время от времени случалось, что персонажи нарушали правила и заби-

рали с собой вещи из других миров. На самом деле, это было строго запрещено, но так как в Литерсуме не было полиции или чего-то подобного, пострадавшие вынуждены были сами находить способы вернуть свое имущество. В первый раз, когда кто-то из персонажей обратился к Эмме, она сначала хотела отказаться, однако потом поняла, насколько выгодным для нее может быть такое сотрудничество. Вместо денег, которые нам было запрещено принимать от героев книг, она получала информацию о Литерсуме. Благодаря этому она уже владела личной коллекцией знаний. Какая-то информация была весомей другой, но для Эммы любой фрагмент пазла, связанного с Литерсумом, был сравним с золотом. Она хотела знать столько, сколько было возможно, я же, в свою очередь, – столько, сколько было необходимо.

Я еще какое-то время побродила вдоль полок, наслаждаясь запахом бумаги и чернил. Книг было так много, что при выборе материала для чтения можно было столкнуться с дилеммой. Не глядя, я провела рукой по книжным корешкам и наугад вытянула один том. Согласно обложке и названию, это оказался фантастический роман. Аннотация звучала противоречиво. Я прочитала пару предложений первой главы, когда меня вновь посетило плохое чувство. Идея этой книги оформилась только потому, что никто такой, как я, не уничтожил ее. Я посмотрела на пустое место на полке, откуда взяла книгу. Теперь там зияла дыра, как символ моей зловещей магии – навсегда уничтожать идеи. Я аккуратно поставила роман обратно и отправилась домой.

Глава 3

Неделей позже я получила новое задание. После того как Том написал мне сообщение, и мы встретились в Парابي для передачи документов, я отправилась прямо к Эдварду Эвенсу, писателю, которого должна была поцеловать. Вообще-то, сначала я хотела посмотреть новый сезон «Люцифера» и заняться заданием позже, но потом все-таки решила сначала выполнить работу. Такая самодисциплина была мне несвойственна. Должно быть, это все кофе, который я купила, выйдя из Парби. Чудо-средство, действующее всегда.

Согласно документам, Эдвард Эвенс был домоседом среднего возраста, который уже почти пять лет пытался перенести идею научно-фантастического романа на бумагу. Возможно, мое вмешательство стало бы актом милосердия, благодаря которому он наконец-то был бы освобожден от иллюзий и получил шанс найти себе новый проект или хобби. А может, его идеи принимали такие формы, которые Мнемозина и управление не одобряли. Потому как некоторые идеи – так рассказывала мне миссис Пэттон – были слишком опасными или пагубными, чтобы опубликовывать их. Как они это определяли, я не представляла.

Так же, как и не знала, откуда в ведомство муз поступала информация о писателях. Миссис Пэттон пресекала все вопросы Эммы. Я предполагала, что с этим как-то была связана Мнемозина. У персонажей вообще не было никакой информации об этом, и они знали об управлении еще меньше нас. По крайней мере, так считала Эмма, ссылаясь на свои знания, полученные в качестве оплаты за выполненную работу.

Я до сих пор стояла перед домом Эдварда Эвенса. Он жил в квартире в центре Лондона, в одном из старых, но роскошных зданий, украшенном вычурными завитками и лепниной, с высокими потолками и скрипучими лестницами. Дом был расположен в переулке, где не было парковки, до него можно было добраться только пешком. Недостатком подобных зданий являлось отсутствие лифтов. Я была вынуждена взбираться до самого верха пешком.

С коробкой пиццы в руках я собиралась изобразить курьера, который ошибся дверью, чтобы под этим предлогом вступить в разговор с писателем. Когда господин Эвенс откроет мне, я спрошу его о нужной двери и, воспользовавшись моментом, поцелую его в щеку. Затем вместе с пиццей вернусь домой, чтобы насладиться ей самой. Такой трюк я уже проделывала несколько раз, и, стоит заметить, всякий раз он срабатывал. Это не привлекало внимания,

никто не замечал меня, а в качестве вознаграждения за выполненное задание меня ждала вкусная пицца. Она остывала, пока я доходила до дома, но именно такой я ее и любила. Неважно, на завтрак или на ужин. От одной только мысли у меня потекли слюни.

Я застонала, когда вошла на лестничную площадку и подумала о восхождении. Спорт, если честно, не был моим любимым занятием. Я поплелась вверх по ступеням, и только запах вкуснейшей пиццы заставлял меня идти дальше. Когда я миновала пролет лестницы между третьим и четвертым этажом, увидела идущего мне навстречу полицейского в униформе. Он остановился на нижней ступеньке и перегородил мне последние семь ступеней до квартиры мистера Эвенса, которая уже находилась в моем поле зрения. Дверь была приоткрыта, там слышались шаги. Я озадаченно остановилась. Мужчина с пышными усами оценивающе оглядел меня и скрестил руки на груди.

– Здравствуйте, – сказала я.

– Добрый вечер, мисс?..

– Уинтерс, – закончила я, затем задумалась, правильно ли поступила, назвав свою настоящую фамилию. Однако я считала непозволительным лгать полиции. И все-таки это была плохая идея. У него был приятный голос, а усы над верхней губой шевелились, когда он начинал говорить. Словно маленькие ручки, которые махали мне. Я с трудом подавила смех и обратила внимание на его плечи. Судя по отличительному знаку на форме, он являлся констеблем.

– А вы констебль... – Я оборвала фразу, чтобы он назвал свое имя.

– Детектив констебль Пайпер, – поправил он меня. *Детектив?* Только служащие уголовного розыска имели такое звание. Я бросила взгляд на дверь квартиры. Что-то здесь было не так.

– Мисс Уинтерс, – продолжил он, – вы живете в этом здании?

– Нет, – честно призналась я и посмотрела на него. Покачиваясь, я подняла коробку с пиццей. – У меня доставка для мистера Эвенса. – Из квартиры на лестничную площадку донеслось бормотание, но, к сожалению, я не поняла ни слова.

– Я вынужден вас разочаровать. Мистер Эвенс не сможет принять ее. Вам стоит уйти, мисс. – В его глазах читалась грусть, но голос звучал настойчиво. Но так просто он бы от меня не отделался.

– Как нет? Что-то произошло?

Мужчина сглотнул и немного подождал, прежде чем сказать:

– Он мертв.

Я набрала воздух, по спине пробежали холодные мурашки. Мертв? Этого не может быть. Я думала о фотографии мистера Эвенса, которая находилась среди документов, лежавших в моей сумке. На ней он выглядел слегка усталым, но живым.

– Неужели он стал жертвой преступления?

– Я не имею права говорить вам больше, мисс. Пожалуйста, уходите.

Конечно, он не мог мне рассказать все, ведь это было строго запрещено. Но попытаться стоило. Вместо того, чтобы развернуться, я уставилась на дверь и прислушалась к голосам, доносящимся из квартиры. Их было много. Где стояли патрульные машины? Перед домом я не видела машин, к тому же переулок был слишком узким. Возможно, они припарковались с другой стороны дома. Я находила лишь одно объяснение этой ситуации. И с интересом посмотрела на констебля.

– Раз вы выступаете в роли сторожевого пса, – я указала на дверь квартиры мистера Эвенса, – а там столько всего происходит, речь точно идет о преступлении. Иначе все происходило бы по-другому. – Услышав фразу «сторожевой пес», он скривил рот, а его усы напомнили мне человечка, который обиженно вскинул ручки в воздух.

– Откуда вы знаете, как все происходит? – спросил он с недоверием и уперся руками в бока, положив их на ремень, на котором в кобуре висело служебное оружие. Эта поза должна

была меня непременно напугать, но я не шевельнулась. Он не стал бы в меня стрелять, разве что парой вопросов.

– Моя мама работает в полиции, от нее я кое-чему научилась. – Это соответствовало истине, но лишь наполовину. Она была главным суперинтендантом и возглавляла департамент уголовных расследований, коротко УГРО, которому подчинялись все криминалисты, в том числе стоявший передо мной констебль, если я правильно понимала. Между ней и им было три воинских звания.

Из-за жутких историй, которые мама рассказывала о своей работе и темной стороне Лондона, преступления с летальным исходом шокировали меня не так сильно, как других людей, если им приходилось оказываться в подобной ситуации. Я видела здесь скорее загадку, чем трагедию, которая была с ней связана. Это я унаследовала от мамы, со временем переняв ее видение подобных вещей.

Но констебль стоял на своем.

– Тем не менее я не расскажу вам ничего о происшествии, – угрюмо произнес он. Ага, значит, это происшествие. Мой живот урчал уже не только от голода, но и от любопытства. И немного от волнения. Я должна была во что бы то ни стало узнать больше, ведь мистер Эвенс был назначен мне для поцелуя, я чувствовала ответственность. Оказавшись на моем месте, Эмма уже наверняка нашла бы кучу полезных следов на лестнице. Мне бросались в глаза лишь ворсинки и капли воды на древесине.

– Я спрашиваю лишь потому, что у меня здесь вкусная пицца. – Я снова помахала коробкой перед его носом. – Я не могу вернуться к шефу без денег. Только если предоставлю ему хорошее обоснование. Я съела бы ее сама, но, во-первых, я не люблю «Гавайи», а во-вторых, мне не положено. – Эта вынужденная ложь далась мне с трудом, но так было нужно.

– Завтра в газете вы найдете статью. Там ваш шеф сможет прочитать о том, что произошло. – Усатый мужчина скрестил руки на груди. Разговор был окончен. Черт, так я не продвинусь дальше. Я размышляла, как предпринять вторую попытку, когда пожилой мужчина с седой мелированной шевелюрой высунул голову из-за двери.

– Я чую пиццу? – спросил он, устремляя взгляд на коробку, которую я держала в руках. Констебль отдал честь.

– Старший детектив инспектор Адамс. – Он указал рукой на меня. – Вы верно унюхали.

Ого. *Старший инспектор*. Возможно, констебль хотел меня напугать и указать, что передо мной стоял человек, руководящий всем. Тогда ему стоило придумать что-нибудь получше. На лице инспектора мелькнула улыбка, и он, потирая руки, вышел на площадку. На нем не было формы, наплечная кобура с оружием, темные джинсы и серая рубашка. Констебль хотел ответить за меня, но я его опередила.

– У меня пицца для мистера Эвенса, сэр. Что, наконец, с ним произошло? Ваш коллега не хочет рассказывать, но мне необходимо объяснение для шефа, если я вернусь без оплаты. – Я состроила умоляющую мину.

Инспектор посмотрел не на меня, а на коробку в моих руках, словно он умирал от голода. Он откашлялся.

– Мистер Эвенс был убит. Примерно полчаса назад. Соседи услышали пронзительный крик и вызвали полицию, – сказал он и спустился ниже, его взгляд был обращен ко мне. Он сощурил глаза, затем улыбнулся. – Вы пришли очень кстати. Мы вынуждены были отправиться сюда, не поужинав. Сколько стоит пицца? – Одной рукой он указал на коробку с пиццей, а другой стал шариться в кармане брюк.

Тем самым он продемонстрировал то, что я считала еще одним старым клише об англичанах – черный юмор. Только англичанам может прийти в голову съесть пиццу, заказанную человеком, который был убит, так и не получив свой заказ. Ну да, мистер Эвенс никогда ее не заказывал, но инспектор, конечно, не знал об этом. Значит, мне придется отдать свою пиццу,

чтобы все выглядело по-настоящему. Но у меня уже успел пропасть аппетит. Мысль, что всего в нескольких метрах от нас лежал мертвый человек с пустыми глазами... писатель, которого я должна была поцеловать... Холодные мурашки пробежали по спине. Инспектор вытащил бумажник, открыл его, однако не нашел там денег. Он недовольно сжал губы. Затем повернулся в сторону квартиры.

– Лэнсбери! Иди-ка сюда! – позвал он. – Пожалуйста, подождите секунду, у моего коллеги, наверняка есть наличные. Мы не задержим вас надолго.

У меня еще было несколько минут.

– Что все-таки случилось? – снова спросила я. Может, голод инспектора сделает его более разговорчивым, чем констебля. Последний бросил на меня предостерегающий взгляд, который я просто проигнорировала.

– Это не для хорошеньких девичьих ушей, – ответил инспектор, подмигнув, но это меня не убедило. Серьезность в глазах лишала его речь легкомысленности. Это напомнило мне выражение лица мамы, когда она рассказывала мне о происшествиях. Конечно, все полицейские со временем покрывались черствым панцирем, чтобы справляться с тем, что им пришлось пережить, они просто вынуждены были так делать. Но они были и оставались сочувствующими людьми. А эта работа была далеко не из легких.

Усатый констебль не упомянул того, что я рассказала ему о своей матери, и я мысленно была ему за это благодарна. Инспектор наверняка был знаком с мамой лично, а мне не хотелось, чтобы он узнал во мне ее дочь. Это бы только все усложнило. Я надеялась, что он не видел меня в момент моих немногочисленных визитов в Скотленд-Ярд.

Дверь в квартиру мистера Эвенса снова открылась, оттуда вышел молодой человек в гражданском. И у меня внутри все оборвалось. Если бы хоть половина полицейских в Метрополитене выглядела так хорошо, как этот тип, я бы задумалась о смене карьеры. На вид он был чуть старше меня, может, двадцати трех лет, но выражение его лица казалось чересчур серьезным. Он нахмурил темные брови, а его изумрудно-зеленые глаза мрачно сверкнули в сумрачном свете лестничной площадки. В тот момент, когда наши взгляды встретились, больше всего мне захотелось развернуться и убежать. Когда я увидела, с каким хладнокровием он смотрел на меня, по телу прошла дрожь. Он наверняка задавался вопросом, что я здесь забыла. Затем он обратился к коллеге Адамсу, и я воспользовалась моментом, чтобы как следует его рассмотреть. Он был значительно выше меня, хотя это было несложно. Темно-серые джинсы прилегли к бедрам, черная рубашка обтягивала широкие плечи, а узкий пояс, на котором висело оружие, еще сильнее подчеркивал его атлетическое телосложение. Его лицо скривилось, но даже несмотря на это, а также бледный шрам над верхней губой, он был чертовски привлекательным. Хорошо выглядеть, но быть в плохом настроении – что за расточительство? Ворчунны были, к сожалению, не в моем вкусе, неважно, насколько убедительным в них было все остальное. Когда он заговорил, я проклинала себя, что его низкий голос тоже мне понравился. Я ощутила дрожь в области живота. Хотелось верить, что это всего лишь вернувшийся голод.

– Адамс, ты на полном серьезе заказал еду на место преступления? – Он скрестил руки на груди и сощурил глаза.

Инспектор Адамс отмахнулся.

– Поработай с мое, тебя тоже начнет преследовать голод в самых необычных местах. На пустой желудок плохо думается. Но нет, я не заказывал пиццу, ее заказала наша жертва. Можешь одолжить мне денег? – Он протянул руку.

Пока Лэнсбери, качая головой, рылся в кармане брюк, я рассматривала инспектора. Его звали Адамс? Где-то я уже слышала это имя. Не тот ли это мамин коллега, про которого она рассказывала, пытаясь скрыть, как ее щеки покраснели? Интересно. Он казался милым. На его губах играла улыбка, от которой светились серо-голубые глаза.

Я передала инспектору Адамсу коробку с пищей. Лэнсбери спустился вниз, держа в руке деньги. Он без всякого стеснения пялился на принт моего худи и хмурил брови. Конечно, миньоны из «Гадкий я» не считались трендом, но неужели было необходимо так явно показывать свое отвращение? Я тоже могла сказать, что черная рубашка, очевидно, на размер мала ему, раз так натягивается на мышцах. Выбор одежды – личное дело каждого. Но ворчуны, насколько я знала, всегда найдут повод для нытья.

Внезапно я твердо для себя решила, ни за что не прикасаться к нему. Иначе его плохое настроение перекинется на меня, а в такой отвратительный день мне этого крайне не хотелось. Я сделала шаг назад и подняла руки.

– А знаете, что? Пицца будет за счет заведения, – сказала я инспектору Адамсу и засунула руки в карманы. – Только поделитесь с коллегой, возможно, тогда у него улучшится настроение.

Инспектор ухмыльнулся.

– Спасибо. Хорошая идея. – Да, он мне понравился. Следовало позже расспросить маму о нем.

Лэнсбери сжал губы, убирая деньги обратно в карман, и остановился на предпоследней ступеньке. Он выпрямился в полный рост, наверняка, чтобы казаться более устрашающим, но ему это не удалось. Я не воспринимала всерьез людей с постоянно плохим настроением. И прежде всего, когда они так хорохорились. Возможно, ему захотелось показать, что он так молод, а уже служит в уголовном розыске. Заслужить звание сержанта, кем он и являлся, было, как правило, долгим процессом, требующим усилий, и многие достигали его в лучшем случае к тридцати годам. Он, вероятно, был чертовски талантливым. Но разве можно хорошо выглядеть и одновременно быть умным? Неужели мир настолько несправедлив?

Я сверкнула на него глазами так же зло, как он на меня. Пусть думает, обо мне что хочет. Он почти незаметно покачал головой, развернулся, не сказав ни слова, и стал подниматься наверх. Темные волосы покачивались в такт шагам.

– Спасибо, вам тоже хорошего вечера, – крикнула я ему вслед и сморщилась.

– Не обижайтесь на него, – заметил инспектор Адамс, который как раз потянулся к пище. – Он сперва должен привыкнуть к таким картинкам, как там внутри. Я-то уже привык. Еще раз большое спасибо за пиццу.

Он помахал мне коробкой и вернулся обратно в квартиру. Упс. Он, действительно, понес еду на место преступления. Как это, должно быть, мерзко! Мой желудок взбунтовался от одной только мысли об этом.

Даже усатый констебль скривил рот. «Что за цирк», – подумала я. Я должна как можно скорее рассказать об этом маме. И миссис Пэттон. Я попрощалась. Как можно быстрее побежала вниз по лестнице и выскочила на свежий воздух. После пары глубоких вдохов, мои мышцы снова расслабились, и я отправилась домой. Посмотрим, что скажет мама и о чем напишут завтра в газетах. Неважно, что это было, миссис Пэттон это явно не понравится. Мертвый писатель, которого я должна была поцеловать... Хотя... Если ей необходимо избавляться от плохих идей, тогда она посчитает это задание успешно выполненным. У меня снова пробежали холодные мурашки по телу, и я обрадовалась, что дома смогу прижаться к теплому пушистому коту.

Глава 4

На следующий день я написала Тому сообщение и попросила о встрече. Ответ пришел через пару минут, очевидно, он потренировался набирать текст на клавиатуре телефона. Спустя час я направилась в Параби, где Том уже ждал меня в уголке для отдыха.

Улыбка, с которой он меня поприветствовал, сразу же испарилась, как только он увидел выражение моего лица.

– Что случилось? – спросил он, когда я села. Я шепотом рассказала ему в двух словах о том, что случилось с мистером Эвенсом прошлым вечером. По крайней мере, то, что знала.

– Убит? – повторил Том, наверное, в пятый раз после того, как я закончила рассказ. Он широко раскрыл глаза, правой рукой крепко сжимая чашку, его пальцы казались очень напряженными. Я кивнула. Еще раз.

– Спроси еще хоть сто раз, ответ останется «да», – сказала я тихо. Людям за соседними столами не обязательно было все знать. Их мнение обо мне было и так ужасным, а эта история и вовсе даст им дополнительный повод для осуждения.

Том двигал документы мистера Эвенса по столу туда-сюда, как будто не мог решить, что с ними делать. Он сделал глоток уже остывшего чая, а я ждала, что он, осознав трагичность данной ситуации, придет в себя и скажет что-нибудь. Наконец, он откашлялся и посмотрел на меня.

– Миссис Пэттон не может винить тебя в том, что этот писатель стал жертвой убийцы, – в конце концов сказал Том. – Я...

– Я только что услышала слово «убийца»? – послышался ясный голос позади нас. Я вздрогнула и обернулась.

Эмма незаметно подкралась к нашему столу и крайне заинтересованно смотрела на меня. В руке она держала папку. Она собиралась встретиться с наставником Дженни, чтобы обсудить задание, или уже встретилась с ней. Я, вздохнув, расслабила плечи и немного успокоилась. Я еще не успела рассказать Эмме о происшествиях прошлого дня, но собиралась это сделать. Ведь кто, как не она, мог помочь мне с этим делом. Если тут вообще можно было как-то помочь. С кривой ухмылкой я пригласила Эмму сесть на свободный стул за нашим столом.

– Писатель, которого я должна была поцеловать, вчера был убит, – прошептала я. Эмма подняла брови и приземлилась на стул. Из кармана светло-серого кардигана она вытащила небольшой блокнот и ручку. Последней она поправила шляпу Шерлока Холмса, затем щелкнула ей.

– Выкладывай, – сказала она, и ручка начала скользить по бумаге. Обычное дело для нее. Если необходимо было решить загадку, она все записывала. Она не могла похвастаться хорошей памятью, поэтому использовала подручные средства. Эмма уже не раз помогала маме с запутанными случаями, поэтому я была уверена – она знала свое дело. Но скудная информация, которой я обладала, не увела бы ее далеко. И пока мама или другой детектив не наняли бы ее, она не имела права предпринимать дальнейшие шаги в расследовании. Но нам не помешало бы выслушать мнение Эммы по этому делу. Я откинулась на стул и потеряла лицо.

– Особо рассказывать нечего. Я хотела попасть к писателю, чтобы поцеловать его, но когда пришла, там уже была полиция. Детектив сказал, что мистер Эвенс был убит. Больше я ничего не знаю. У меня еще не было возможности обсудить это с мамой.

– Угу, – промычала Эмма и вытащила телефон из другого кармана кардигана. – Где именно это произошло? Что-нибудь писали в газетах?

Я назвала ей адрес, и она начала что-то печатать в телефоне. У нее тоже был современный смартфон, и, конечно, на нем был выход в интернет. Она пролистала некоторые посты.

– Ничего конкретного, – пробормотала она. – Его закололи... вечером... он оказал сопротивление... Предположительно неудавшееся ограбление... Возможно, мне стоит осмотреть его квартиру...

– Нет, – прервала я ее. – Это нас не касается. Оставь это Ярду. Если мама возьмет это дело, и ей понадобится помощь, она непременно выйдет на тебя. Сейчас меня больше волнует, как я сообщу об этом миссис Пэттон. Насколько я ее знаю, она сотрет меня в порошок, думая, что я как-то замешана в этом деле. Что на самом деле полнейшая чепуха. – То, что мистер Эдвард Эвенс был убит незадолго до моего прихода, являлось чистой случайностью. Об этом миссис Пэттон должна была знать. Тем не менее я переживала. Каждый раз, когда задание было выполнено не на сто процентов идеально, она сваливала всю вину на меня. Не важно, обоснованно или нет.

Эмма сжала губы и убрала блокнот и ручку обратно в карманы.

– Твоя мама может обращаться ко мне в любое время, – сказала она и убрала телефон. Она бросила взгляд на Тома, который стучал пальцами по документам, не отводя от них взгляда. – Просто расскажи миссис Пэттон, что произошло. Что она может сделать? Она точно не обвинит тебя в убийстве, Малу.

Я сглотнула.

– Надеюсь, ты права. Только иногда... мне кажется, она ищет причину, чтобы избавиться от меня. У тебя не бывает такого ощущения?

Эмма постучала пальцами по подбородку.

– На самом деле, нет. Я имею в виду, она не очень дружелюбна ко мне, но не более... Нет. А даже если будет пытаться, я не обращаю на это внимания, потому как мне, честно сказать, не очень-то интересно, что кто-то меня терпеть не может. Если она захочет тратить на это свою энергию, пожалуйста. Я лучше буду общаться с людьми, которым нравлюсь. И которые нравятся мне. – Она толкнула меня плечом и подмигнула.

– Мне бы твою самоуверенность.

– И мне, – сказал Том и поднял голову. – Лучше я разделаюсь с этим прямо сейчас. А дальше посмотрим. Ломать голову раньше времени бессмысленно. Я позвоню ей сейчас же и потом сообщу тебе, Малу. Счастливо. – Он поднялся, слегка улыбнулся и оставил нас. Я с сочувствием посмотрела ему вслед.

– Если бы только миссис Пэттон дала нам адрес управления или свой номер, тогда я позаботилась бы обо всем сама. А сейчас приходится отправлять к ней бедного Тома. Как же это неприятно.

– Да, действительно. Я тоже не понимаю, почему нам нельзя в управление. К чему все эти глупые условия, если они только все усложняют? И почему не устанавливать контакты между антимузами? То, что мы встретились – чистая случайность.

Снова это слово. Случайность. Если даже Эмма, наш мозг, верит в случайность, это должно что-то значить, не так ли? Я вспомнила нашу встречу в Параби, когда Эмма по моему внешнему виду и поведению, методом дедукции, выяснила, что я, как и она, антимуза. Именно поэтому она и заговорила со мной, и так как никаких указаний от миссис Пэттон не поступало, мы болтали с ней обо всем, что касалось этой особенной вселенной. Мы могли поделиться немногим, тем не менее нам было спокойнее от мысли, что мы вместе.

Другие антимузы, которых мы встречали очень редко, ведь нас было немного, знали не больше нашего. Никто из них еще не был ни в узловом пункте, ни в управлении. Словно управление было святым местом, вход в которое был разрешен лишь избранным. И мы к таким не относились.

– Думаешь, миссис Пэттон относится к нам так из-за наших отцов? – Этот вопрос я часто задавала самой себе. С Эммой нас объединяло наше происхождение, благодаря которому мы стали антимузами. Точнее сказать, та часть, которая относилась к нашим отцам. Они были и оставались злыми книжными персонажами – антагонистами, которые в любой истории являлись причиной всякого зла. Еще до того, как в силу вступили правила, регулирующие посещение реального мира, персонажи могли спокойно прогуливаться в нашем мире и знакомиться с людьми. Дочь женщины и антагониста становилась антимузой – человеком, который крал идеи одним поцелуем. Персонажи мужского пола, которые являлись героями той или иной истории, тоже могли заводить детей с обычными людьми. Дочери таких союзов становились добрыми музами, которые, как первоначальные девять муз, дочерей Мнемозины, дарили идеи при поцелуе. Они наверняка были достойны увидеть управление своими глазами и, может быть, даже войти внутрь. Но мы до сих пор не встречали ни одну. И я была абсолютно уверена – здесь о случайности речи не шло. Я считала, они нас избегали, как это делали персонажи.

– Может быть, – сказала Эмма. – У злых ведьм нет поклонников. А мы, не будем обманывать себя, их потомки. Только все, кажется, забыли, что ты не можешь выбрать свои гены.

Свободное перемещение персонажей в реальном мире было возможным на протяжении двадцати лет, но за несколько месяцев до знакомства моих родителей Мнемозина создала строгие правила и ввела обязательные письменные разрешения. Вероятно, персонажи слишком часто нарушали правила. И поскольку в Литерсуме не было полиции, которая следила бы за порядком, это была единственная возможность. Мой отец мог прийти, если бы захотел. Но после того, как мама забеременела, он больше не показывался. Правда вскрылась только в день моего восемнадцатилетия. Я узнала, что он был вымышленным персонажем, антагонистом. От этого сообщения миссис Пэттон мы с мамой были шокированы и не поверили, пока она не уговорила нас посетить Параби. Однако ни я, ни мама до сих пор не знали, из какой истории происходил отец, мы даже не знали его настоящего имени. Только то, которое он назвал маме, а оно, вероятно, было ненастоящим, как и все остальное в нем. И, видимо, антагонисты не сильно беспокоились о своих блуждающих между мирами детях, ведь я не знала ни одну антимузу, которая встречалась хоть раз со своим отцом.

Мои сведения об отце ограничивались мамиными рассказами. Она называла его Джошуа. За несколько месяцев их знакомства он никогда не вел себя как подлец, всегда был мил и любезен. Она не замечала, что он не настоящий человек. Очевидно, писатель хорошо постарался, ведь чем лучше персонаж был проработан создателем, тем естественнее он выглядел. Их

выдавали только глаза, в них не было чего-то по-настоящему живого. И чем больше персонаж походил на человека, тем больше было его желание совершить визит в мир вне Литерсума.

Он подарил тогда маме амулет, который я всегда носила с собой. Она передала его мне после первой встречи с миссис Пэттон и сказала, что мне совершенно точно повезет, если у меня будет что-нибудь из Литерсума, когда я буду перемещаться между мирами. Когда она это говорила, ее глаза налились слезами, и я все еще замечала, как иногда она вздыхала при виде брелока. Я не могла представить, что мама запала на настоящего злодея. Только не с ее интуицией, которая во многом помогла ей в карьере. Наверняка в мужчине, в которого она тогда влюбилась, должно было скрываться что-то хорошее, иначе он просто не мог бы покинуть Литерсум из-за строгих правил. Перемещения, скорее всего, разрешались персонажам, которые были достаточно положительными. Но что это должно было значить для меня? Что, если в этой магической, а для меня непостижимой системе, произошел сбой?

– У нас действительно не самые лучшие отцы в этом мире, – сказала я. – Я имею в виду книжный мир... Ты поняла... Тем не менее миссис Пэттон не стоит вымещать свою злость на нас. Как ты уже сказала, родителей не выбирают.

Эмма кивнула и, задумавшись, посмотрела в пол.

– Я, возможно, могла бы его найти, если бы взялась за это и нарушила некоторые правила, но... не хочу этого знать. По крайней мере, пока.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. – Когда-нибудь, когда я найду свое место в мире, возможно, захочу узнать что-нибудь о нем. Но не сейчас. Когда я все еще находилась в поиске своего пути. Если бы хотела, я могла бы работать антимузой до тридцати лет. Потом моя магия поцелуя иссякнет, и я смогу воспользоваться предложением миссис Пэттон, чтобы она через ушедших антимуз нашла мне работу. Если бы я этого хотела. И если бы я продержалась все это время, работая антимузой. На данный момент я не была полностью в этом уверена.

Эмма ухмыльнулась, и я облегченно выдохнула, когда она отвлекла меня от этих мыслей.

– Было бы, наверное, странно, если бы мы встретили своих отцов, – сказала она. – Я имею в виду, ведь персонажи не стареют. Они, предположительно, были не намного старше нас, когда познакомились с нашими матерями. По крайней мере, исходя из их рассказов. Наши отцы до сих пор в том возрасте, в нашем с тобой возрасте.

Я скривилась. Настолько подробно я в это не углублялась. За то время, что я работала в качестве антимузы, многие вещи вызывали у меня недоумение. Но учеба отнимала все время. Нельзя было забывать и о Шелдоне, которому я посвящала свободные минуты.

– Я устала, чтобы думать об этом сейчас, – пробормотала я. – Все закончится тем, что запутаюсь еще больше. – Я провела рукой по лицу. Желудок заурчал, что заставило Эмму улыбнуться.

– Как насчет чашечки чая и кусочка пирога в «Чес Джули»?

– Замени чай на кофе, и тогда я за! – Я ухмыльнулась. Мы поднялись и через главный выход вернулись в свой мир, в наше любимое кафе. Все заботы и вопросы были забыты. По крайней мере, пока.

Я доедала последнюю ложку молочной пены в тот момент, когда на телефон пришло сообщение от Тома.

Миссис Пэттон была не в восторге, но не очень расстроилась. Главное – идея была выведена из строя. До скорого. Том.

Я сунула телефон Эмме, чтобы она прочитала сообщение. Она покачала головой, когда посмотрела на экран.

– *Выведена из строя?* Неужели добрый Том перечитал детективов? Он никогда так не говорит, – сказала она и захихикала.

– Он иногда использует слова из прочитанных книг, даже не замечая этого, – объяснила я и, написав короткий ответ Тому, убрала телефон в карман. – Ты бы слышала его пару недель назад после того, как он прочитал янг эдалт. Он везде и всюду вставлял слово «YOLO». Это было странно.

You only live once. Живем лишь раз.

Мое сердце сжалось, когда я подумала о мистере Эвенсе. И хотя это выражение больше не было в моде, своего значения оно не поменяло. У нас была лишь одна жизнь, которую нельзя было потратить зря. Мистер Эвенс потерял свою, и меня не покидало нехорошее предчувствие, что за этим скрывалось что-то большее. Я не могла сказать почему. Я надеялась, что не унаследовала от мамы хорошую интуицию.

Глава 5

Почти две недели спустя в сумерках я ехала на велосипеде на очередное задание. Документы по нему я получила от Тома два дня назад, но только теперь нашла время на его выполнение. Речь шла еще об одном мужчине, его звали Саймон Хольт, во время кризиса среднего возраста он принял решение стать автором бестселлера. Что ж, я стирала не только отдельные идеи, но и жизненные мечты. Я была самой ужасной антимузой в мире.

Мистер Хольт жил в маленьком доме из клинкерного кирпича на окраине города. Все здесь выглядело одинаково: маленькие заборы вокруг садов, крошечные палисадники и миленькие дома. Тот, кто не ориентировался в абсолютно беспорядочной нумерации домов, мог тут запросто потеряться. К сожалению, именно это и случилось со мной – я заблудилась. Из-за отсутствия сети телефон не помог мне. Жутко осознавать, что иногда так сильно привыкаешь к некоторым гаджетам, а потом оказываешься в пролете, когда они тебя подводят.

Уже пятнадцать минут я кружила по округе и искала нужный дом. Упакованная в пакет еда из китайского ресторана, болтавшаяся на руле, была еле теплой. В этот раз я купила ее не для прикрытия, а из-за того, что была голодна. Я бы оставила ее висеть на руле, а чтобы позвонить в дверь мистера Хольта, нашла бы другой предлог.

Когда спустя пять минут вчитывания в таблички с именами у звонков, я все еще не могла найти нужный дом, меня покинуло терпение. Я заметила пожилую женщину, копавшуюся в палисаднике, и поехала к ней. Остановившись у забора, спрыгнула с велосипеда. Женщина, выбрасывая пакет в мусорный бак, подняла на меня глаза.

– Извините, – крикнула я. – Не могли бы вы сказать, как мне найти дом мистера Хольта? Дом 333?

Дама с короткими седыми волосами скрестила руки на груди и заинтересованно уставилась на меня. Затем она подошла на пару шагов ближе.

– Вы тоже из прессы? Тогда вы опоздали. – Она указала на улицу. – Прямо, на следующем перекрестке направо. Вы не проедете мимо. Это так ужасно! Такое случается только в фильмах. – Со стеклянными глазами и трясущимися руками она развернулась и исчезла в доме.

Пресса? Ужасно? Мой пульс ускорился. Так быстро, насколько это было возможно, я вскочила на велосипед и последовала по указанному пути, а на первом же перекрестке свер-

нула направо. Я находилась в другом квартале. Улица спускалась вниз, и я остановилась сразу, как только увидела первые вспышки. Леди была права, дом мистера Хольта было сложно не заметить. А точнее сказать, хаос перед ним. На улице была толпа людей, вспышки фотокамер мерцали в ночи, а полицейские машины блокировали тротуары. Черный и белый фургоны стояли на противоположной стороне улицы, а еще одна темная машина была припаркована прямо у маленьких ворот, ведущих во двор. Между белым фургоном и дверью дома взад и вперед сновали люди, одетые в шелестящие защитные костюмы. Прожекторы на газоне боролись с наступающей темнотой и погружали двор и часть улицы в безжалостную слепящую белизну.

Мое сердцебиение приостановилось на мгновение, а кровь хлынула к ногам. Я немного развернула велосипед, но остановилась. Что я хотела сделать? Развернуться? Нет. Я должна была выяснить, что произошло. Чтобы не передумать, я оттолкнулась ногой и поехала вниз по улице.

Проехав мимо нескольких домов, я оставила велосипед и пешком направилась к толпе. Я стала протискиваться между собравшимися, пока не оказалась возле полицейской заградительной ленты. Я продвинулась вдоль нее ближе к саду, где был расположен почтовый ящик. Из-за ленты ящик оставался от меня метрах в двух, но написанное на нем имя разборчиво читалось.

Хольт.

Крик отчаяния пробивал себе дорогу к горлу, и я едва смогла его сдержать. Это не могло быть правдой. Что случилось? Я понятия не имела... но это всего лишь совпадение, разве нет? Я получила ответ на свой вопрос, когда двое мужчин вынесли на носилках из дома закрытый тканью труп и понесли его к черному фургону.

– Бедный мистер Хольт, – раздался рядом со мной тонуший в слезах голос. И все-таки... Я тарасилась на носилки, пока они не скрылись за дверью машины. Ноги стали ватными, и все же я заставила себя повернуться на голос.

Светловолосая женщина, обутая в домашние тапочки, стояла рядом со мной и также разглядывала машину, ее глаза блестели от слез. Рядом с ней находился мужчина, который приобнял ее и тихонько поглаживал по спине, пока она плакала.

– Что случилось? – спросила я.

Женщина дрожала и никак не реагировала. Мне ответил мужчина.

– Мистер Хольт был застрелен. Пару часов назад, – пробормотал он, будто сам не верил в это.

Я понимала, что он чувствует. Сначала мистер Эвенс, теперь мистер Хольт... Две смерти за две недели. Это было...

Дверь открылась, и из дома вышли два человека. Я замерла, когда узнала обоих. Адамс и Лэнсбери. Нет, нет, нет... Этого еще не хватало. Они ни в коем случае не должны были увидеть меня здесь, иначе их посетили бы ненужные мысли. Когда полицейские направились к собравшимся вокруг дома людям, я поспешила сквозь толпу обратно к велосипеду. Сердце выпрыгивало из груди, я слышала пульсацию крови в ушах. Скорее прочь отсюда. Добежала до велосипеда, положила одну руку на руль и... внезапно меня кто-то схватил за предплечье и развернул. Велосипед с грохотом упал на землю, китайская еда выпала из пакета и разлетелась по тротуару. Я потеряла равновесие, но рука держала меня крепко. Придя в себя, я увидела перед собой злое лицо Лэнсбери. Когда наши взгляды встретились, его глаза сверкали. Он смотрел мне в глаза, а затем обвел меня взглядом. Его хватка вокруг моей руки стала крепче.

– Это действительно ты. Доставщица пиццы, которую мы видели две недели назад. И в том же свитере. *Modus Operandi?* – спросил он и еще сильнее сдавил мне руку. Он притянул меня к себе, смотря прямо в глаза. Словно мог таким образом распознать правду. Я дернулась, пытаюсь освободиться, но он не оставил мне никаких шансов. Его руки были настолько сильными. Он самодовольно ухмылялся, пока я пыталась вывернуться.

– Боже, я не серийный маньяк, и у меня нет никакого *Modus Operandi*. А сейчас отпусти меня! – закричала я. Из-за моего барахтанья тиски, в которые он поймал мою руку, давили все сильнее. Услышав шум, несколько человек развернулись в нашу сторону. Они бросали на нас любопытные взгляды. Лэнсбери еще ближе притянул меня к себе, так, что наши носы почти соприкасались. Когда аромат мужского геля для душа немного ослабил мою бдительность, – я любила этот запах, – я смогла наконец разобрать слова, которые он говорил шепотом.

– Есть два варианта. Или ты добровольно и без привлечения внимания едешь с нами, или я надену на тебя наручники. Что ты выбираешь? – Он сощурил глаза.

Боже, как драматично звучали его слова! В качестве ответа я пробормотала что-то невнятное, находясь в опьянении от этого аромата, но перестала сопротивляться. Он сделал шаг назад, и я наконец смогла спокойно дышать. Его рука отпустила мое предплечье, но через несколько секунд я почувствовала ее на своей спине. Лэнсбери толкал меня к машине, стоявшей рядом с домом мистера Хольта. А на нас внимательно смотрели несколько человек. Я чуть не споткнулась, когда он бесцеремонно толкнул меня. «Без привлечения внимания» для него означало нечто другое, нежели для меня.

– Не мог бы ты быть чуть помягче и не обращаться со мной как с подозреваемой? Люди смотрят.

В тот же момент послышался щелчок, затем появилась вспышка. Кто-то сделал фото этой бедственной ситуации. Лэнсбери отпустил меня и встал передо мной.

– Еще она фотография, и я конфискую ваш телефон. – Его голос звучал грубо. Я вздрогнула и была рада, что он этого не заметил. Он кому-то кивнул, затем снова взял меня за руку и повел к машине. Никто больше не осмелился нажать кнопку камеры. Лэнсбери провел меня под заградительной лентой, которую приподнял для нас его коллега. Стоять с этой стороны места преступления было не очень хорошим знаком. Совсем нехорошим. Яркий свет слепил меня, я чувствовала себя голой. К счастью, из-за него я не видела взгляды людей, которые шептались между собой. Пусть думают, что хотят. Я была невиновна.

Лэнсбери открыл заднюю дверь авто и запихнул меня на сиденье. Я не успела ничего возразить, как он захлопнул дверь и закрыл ее на замок. От безысходности я ударила ногами в переднее сиденье, раздался крик, который я до этого момента с трудом удерживала в себе. Только потом я увидела, что впереди сидел водитель, который рассерженно пялился на меня. Я тихо извинилась. Мужчина отвернулся, видимо, я не представляла для него интерес. Да и зачем? Я же ничего не сделала!

Но Лэнсбери, очевидно, считал иначе. Было как минимум странно, что я появилась в обоих местах преступлений... и оба раза убитые были писателями. Мысли в голове снова стали кружиться, как карусель... Я сделала глубокий вдох и сконцентрировалась на силуэте кресла перед собой.

Успокойся, Малу. Все будет хорошо, пока ты сохраняешь спокойствие.

Мама меня научила, что ни в коем случае нельзя спорить с полицией, так как у некоторых полицейских это вызывает «аллергическую реакцию», и в любом случае они слушают лишь вполуха, потому что любой преступник *всегда* настаивает на своей невиновности. Она узнает о моем... задержании, или что это было, и вытаскивает меня. Рано или поздно. Я подавила желание достать телефон. Он лежал в сумочке, которую Лэнсбери, к счастью, не забрал у меня. Нет, я буду играть по их правилам и подожду.

А пока я должна была терпеть Лэнсбери. Я посмотрела ему вслед через боковое стекло. Он пошел к Адамсу, который все еще стоял возле дома и общался с криминалистами. И все-таки Лэнсбери выглядел очень хорошо, темные волосы, пухлые губы и... *Соберись, Малу. Тот, кто терпеть не может миньонов – дурак!*

Лэнсбери указал на меня, и Адамс в недоумении посмотрел в сторону машины. Я бесильно помахала рукой. Он и Лэнсбери, следующий за ним по пятам, подошли к машине,

Адамс обошел ее и с другой стороны открыл заднюю дверь. Он опустился рядом со мной, отсекая внешний мир громким хлопком двери. Лэнсбери занял место впереди. Я, как бы случайно, пнула его в спину, когда он садился, от чего он зарычал. Затем я повернулась к Адамсу, который на удивление дружелюбно смотрел на меня. Он опустил руки на колени.

Да, я поняла, почему он нравился маме. Когда я спросила про него после убийства мистера Эвенса, она ушла от ответа, но по ее краснеющим щекам все было понятно без слов.

– Мы, случайно, не знакомы?

– Вам понравилась пицца в тот раз? – спросила я, потому что ничего лучше мне в голову не пришло. Не было смысла придумывать какую-нибудь ложь, ведь это могло мне потом откликнуться.

Адамс кивнул.

– Будьте так любезны, назовите мне ваше имя.

– Малу Уинтерс. Но вы можете называть меня просто Малу.

Его левый глаз дернулся, словно мое имя пробудило в нем воспоминания. Если бы в тот момент у него в голове не щелкнуло – а должно было, ведь он знал мою маму, – в дальнейшем было бы забавно наблюдать, как он все осознает. Фамилия Уинтерс была распространенной, но вот имя Малу не вполне. Он правда не мог его вспомнить? Или делал вид, потому что не знал, как ему поступить? Следовать протоколу или отклониться от него? Он кинул быстрый взгляд на Лэнсбери, на чьем лице не было никаких эмоций, и сглотнул.

– Ну хорошо, Малу. Буду честен с тобой. Ты попала в неприятности. Немного подозрительно, что ты появляешься на обоих местах преступлений. К тому же они расположены далеко друг от друга, и ваша служба доставки совершенно точно не может обслуживать оба этих района. Что скажешь?

Я еще не успела ответить, как он продолжил.

– Подожди. Мы сделаем это по предписанию. Сначала я должен рассказать тебе о твоих правах. Итак, у тебя есть право хранить молчание...

Адамс стал проговаривать и без того известные мне права, но я его не перебивала. Вместо этого я размышляла, что мне ему рассказать. Когда он закончил и выжидающе посмотрел на меня, я не придумала никакого хитрого ответа.

– Случайность? – ответила я, то ли спрашивая, то ли утверждая. Лэнсбери повернулся к нам и фыркнул. Я бросила на него злой взгляд, на который он ответил также. Его зеленые глаза вызывающе сверкнули.

Адамс откашлялся.

– Посмотрим. Мы должны разобраться с этим, поэтому возьмем тебя с собой в участок и там поговорим.

Я пристегнулась.

– Во-первых, да, я все понимаю. Во-вторых, вы можете называть это так, как оно есть, – допрос.

– Годится. – Адамс кивнул, он выглядел удовлетворенным. Они с Лэнсбери пристегнули ремни. – Можете ехать, мистер Фокс.

Сорок пять минут езды до Скотленд-Ярда прошли в тишине. Мне не хотелось сказать чего-то лишнего, тем более что нам и так предстоял долгий разговор. Кроме того, настроения для светских бесед у меня не было. Мысли в голове перемешались, и расставить все снова по полочкам стоило немалых усилий. Адамс периодически поглядывал на меня и морщил лоб. Возможно, он до сих пор находился в раздумьях, что делать со мной и моим именем. Или он уже знал и готовился столкнуться с мамой лицом к лицу и сообщить ей, при каких обстоятельствах задержал ее дочь. Лэнсбери смотрел на коллегу через зеркало заднего вида. По его лицу я не могла понять, о чем он думал, поэтому мне не терпелось услышать, что он заявит. Это могло оказаться очень забавным.

Прибыв в Скотленд-Ярд, Лэнсбери надел на меня наручники, как только я вышла из машины.

– Что это значит? – пробурчала я, но позволила ему завести меня в здание. – Ты начитался «Пятьдесят оттенков серого» или что?

– Это за пинок в сиденье, – прошипел он и угрюмо ухмыльнулся, словно ему приносило удовольствие злить меня.

Проклятье. Один – ноль в его пользу. Он толкал меня перед собой, и мы зашли в стеклянное здание и на лифте поднялись на третий этаж. Мы прошли мимо офисных столов, мимо маленькой кухни и вошли в комнату для допросов, которая была сделана в стиле криминальных телевизионных сериалов: белые стены, металлический стол и такие же стулья стояли в комнате, которая была так освещена, что в этом свете каждый выглядел больным. На стене висело то самое шпионское зеркало, которое нельзя было ни с чем спутать. Когда мы вошли туда, Лэнсбери снял с меня наручники, забрал мою сумочку и оставил меня одну.

Около двадцати минут ничего не происходило, кроме того, что я в напряжении ходила туда-сюда. Мне нужно было успокоиться, иначе моя нервозность еще сильнее усугубила бы мое положение. Но мне никак не удавалось замедлить пульс. Огромное количество мыслей пронеслось в голове. Я должна была хотя бы сделать вид, что я расслаблена. Перед зеркалом я заплела волосы.

– Если меня будут тут удерживать против моей воли, то, пожалуйста, с чашкой кофе. Две ложки сахара, без молока. Спасибо.

Я опустилась на один из стульев, и через пару минут в дверь вошли Адамс и Лэнсбери. Последний поставил передо мной стакан с горячей жидкостью. Это, должно быть, кофе? Темное пойло пахло... странно. Тем не менее я взяла стакан, чтобы занять чем-то руки и согреться. Адамс и Лэнсбери заняли места напротив меня. Адамс положил два досье на стол, но не открыл их. Лэнсбери скрестил руки на груди и стал сверлить меня взглядом. Мой желудок сжался, я опустила голову.

Адамс сделал глубокий вдох, и я подняла глаза на него.

– Сначала я хотел бы прояснить один момент, Малу. Мы пока не рассматриваем тебя как подозреваемую, скорее как свидетеля.

Ага. Это меня удивило.

– Ваш коллега знает об этом? – спросила я и кивнула в сторону Лэнсбери, который сжал губы.

– Само собой. Тем не менее он вынужден соблюдать осторожность.

Осторожность, так это называлось. Конечно. В качестве ответа я подняла бровь и посмотрела на обоих скептически. Мне хотелось резко ответить, но я проглотила ответ. Я не хотела никого провоцировать, по крайней мере, еще раз, поэтому промолчала и лишь пожала плечами.

Адамс пододвинул к себе документы и открыл папки. Он вытащил оттуда пустой лист и достал из кармана ручку.

– Не могла бы ты назвать для протокола свое полное имя, возраст и адрес? – Мне показалось или его пальцы немного дрожали?

Я рассказала ему все и снова могла наблюдать, как он задумался. Прежде чем начать все записывать, он подождал. Он все знал. Но почему ничего не говорил? Он не решался вовлечь маму? Его голос был грубым, когда он задал следующий вопрос. Мое положение было намного хуже, чем мне казалось?

У меня в горле встал ком. Предположим, меня все еще допрашивали в качестве подозреваемой... как это отразится на маме? На детективе главном интенданте? Собачье д...

– Есть ли кто-нибудь, кому мы можем позвонить насчет тебя? Твои... родители, например? – бросил Адамс. Почему он молчал? Хотел посмотреть, буду ли я при первой же возможности молить маму о помощи? Или же я избалованная дерзкая девчонка и решаю свои

проблемы сама? Тут он был отчасти прав, я ждала, что мама придет и прояснит ситуацию. Но избалованной я себя не считала, как и не считала себя виноватой, поэтому сама могла себя защитить. И выбраться отсюда своими силами. Я расправила плечи.

– Не нужно никому звонить. – Это было подло, но я точно не лишу его возможности подключить маму. Адамс громко сглотнул, что бросилось в глаза даже Лэнсбери, который странно посмотрел на коллегу. Как много он знал?

Адамс постучал по бумаге и посмотрел на меня. Выражение его лица до сих пор было дружелюбным, хотя и немного напряженным.

– Ну, хорошо. Тогда расскажи нам еще раз, как две недели назад ты очутилась у квартиры мистера Эвенса, а сегодня возле дома мистера Хольта? После того, как оба были жестоко убиты.

Он смирился со своей судьбой и следовал протоколу. И хорошо. Теперь у меня не было права на ошибку. Я крутила стаканчик в руках и наслаждалась теплом, пока усталость быстро распространялась по моему телу. Мои ноги были тяжелыми, а стопы ледяными.

– Как я вам уже говорила, речь идет о случайности.

Лэнсбери громко рассмеялся, и, хотя смех звучал озлобленно, я удивилась прекрасному звучанию его голоса. Но это длилось недолго, его лицо снова помрачнело, и он нахмурил брови.

– Ты сама в это веришь? Ты серьезно думаешь, мы купимся на это? – Он ударил ладонью по столу, и я вздрогнула. Они играли хорошего и плохого копа? Это было невыносимо. Адамс бросил на Лэнсбери предупреждающий взгляд. Тот снова скрестил руки на груди.

– Как я, простите, должна доказать случайности? – спросила я с настороженностью, которую мне не пришлось даже играть. – Ну хорошо. Вы можете позвонить в службу доставки, где я получила заказ на пиццу две недели назад. Мой шеф подтвердит то, что я вам рассказала. Его зовут Том. А насчет сегодняшнего дня: я направлялась в парк Кинли, который находится неподалеку от места проживания второй жертвы. Туда я с удовольствием хожу, когда хочу посидеть в тишине и почитать. Там есть беседка, которая ночью отлично освещается... Так или иначе. В пяти минутах оттуда расположена лавка китайской кухни, где я купила себе еду. Я совершенно случайно проезжала мимо того дома. Кстати, вы должны вернуть мне еду и велосипед.

Я закончила и сделала глоток кофе, который чуть не выплюнула на пол. Это варево было ужасно горьким, и вместо сахара была... соль? Судя по нескрываемой ухмылке Лэнсбери, он только и ждал, пока я попадусь в его ловушку. Говнюк. Чтобы не доставить ему удовольствия и смыть с языка ложь, я тут же сделала еще несколько глотков адского пойла а-ля Лэнсбери, даже не скривившись. Его глупая ухмылка застыла, а взгляд накалился.

Ничья. Один – один.

Адамс попросил меня написать номер службы доставки. Я дала ему номер Эммы и молилась, чтобы инспектор не стал узнавать точное название и адрес чертовой службы. Эмма совершенно точно поняла бы, о чем идет речь, и подыграла. Может быть, она даже выдумала бы какую-нибудь несуществующую лавку... Адамс покинул комнату, чтобы позвонить. Я потеряла руки. Лэнсбери не шелохнулся, лишь зло смотрел на меня. Неужели во сне он тоже так мрачно выглядит? Наверное, почти так же.

– Что смешного? – спросил он.

– Ой, извини. Это называется юмор. Знаком с таким, нет? Попробуй, обычно это делает людей счастливее.

– Знаешь, что сделает меня счастливым? – Он чуть наклонился над столом. Снова драма. Но я подыграла и наклонилась к нему.

– Что же? – шепотом спросила я.

– Если ты прекратишь нести чепуху. Скажи, наконец, правду. – Он снова был плохим копом. Я вздохнула и опустила на стул. В этом не было смысла. В правду о Литерсуме и моих заданиях он ни за что не поверил бы. Дверь в комнату для допросов открылась, вошел Адамс.

– Твоя коллега подтвердила тот заказ, шефа не было на месте. – Он положил телефон на стол и сел. В мыслях я отправила Эмме огромнейшую благодарность.

«*Два – один в мою пользу, вонючка*», – подумала я и посмотрела на Лэнсбери, который качал головой.

– Но это еще не объясняет твое появление в месте другого убийства. Более того, ты сама можешь заказать доставку, чтобы использовать ее как прикрытие.

– Если ты помнишь, Шерлок, я пришла на место преступления после убийства. Не до и даже не во время. Какой смысл возвращаться? С пиццей?

Глаза Лэнсбери сузились.

– Убийцы часто возвращаются на место преступления. Я...

Адамс положил ему руку на плечо, и Лэнсбери замолчал. Из коридора донесся энергичный стук каблуков. Я ухмыльнулась, и в следующий момент дверь открылась. В дверном проеме, прекрасная, как каштановый кудрявый ангел мести, стояла мама. Ее серо-карие глаза непреклонно смотрели на мужчин.

– Может быть, джентльмены, вы объясните мне, на каком основании вы допрашиваете мою дочь, не поставив в известность меня?

Три – один в мою пользу.

Глава 6

Адамс побледнел и вскочил. Лэнсбери смотрел то на меня, то на маму, словно находился на теннисном матче, на его лице читалось непонимание. Он, наверное, пытался связать высокую женщину в подчеркивающей фигуру темно-синем костюме и меня – метр с кепкой в худи с миньонами.

Адамс откашлялся.

– Главный суперинтендант Уинтерс, я...

– Адамс, если вы не можете найти исчерпывающее объяснение вашему проступку, прибегите отговорки. – Она задержала на инспекторе взгляд, который любого поверг бы в ужас. Адамс, однако, держался смело, хоть и нервно кусал губы.

Я должна была подавить смех, ведь перед нами стояла не моя заботливая мама, а главный суперинтендант Уинтерс. Она никогда не вела себя дома так, как сейчас. Но такой тон ей был необходим, чтобы заслужить уважение в сфере, где доминировали мужчины. Мама в туфлях на высоком каблучке была примерно такого же роста, как Адамс и Лэнсбери, и все же в этот момент она словно смотрела на обоих свысока. Лэнсбери тоже поднялся, но не сказал ни слова. Адамс провел руками по волосам и снова попытался все объяснить. Мама заставляла его нервничать, по нескольким причинам, насколько мне было известно.

– На самом деле...

– *На самом деле* – это слабое объяснение. Довольно, Адамс. Лэнсбери, принесите вещи моей дочери. – Быстро, насколько это было возможным, последний вышел из комнаты и через минуту вернулся с моей сумкой, которую любезно бросил на стол.

– Эй! У нее тоже есть чувства! – пожаловалась я и ласково погладила сумочку. Это был мамин подарок, для меня самый дорогой. Я надеялась, что с брелоком ничего не случилось.

– Малу, мы уходим. – С таким же важным видом, с каким вошла, мама поспешила выйти из комнаты для допросов. Стук шпилек звучал еще более жестко, чем прежде. Возможно, ее было слышно даже в подвале.

– Спасибо за кофе, – сказала я с саркастическим оттенком и развернулась, чтобы уйти. Когда я сделала два шага к двери, раздался телефонный звонок. *Нарру*. Саундтрек к фильму, в котором фигурировали миньоны. Лэнсбери выругался, достал телефон из кармана и со зло-

стью стал нажимать на экран. Я громко засмеялась, и он посмотрел на меня. В его взгляде читалось что-то между растерянностью и яростной настойчивостью, с которой он, казалось, хотел вынудить меня отказаться от комментариев.

Но я не смогла удержаться.

– И он утверждает, что не бывает случайностей.

Шах. Мат. Победа.

Я последовала за мамой в ее кабинет, расположенный двумя этажами выше. Он был обставлен слегка по-спартански и являлся абсолютной противоположностью нашему уютному дому. Письменный стол, офисный стул, диванчик для посетителей и темно-коричневые стеллажи, заполненные досье – все, что находилось в комнате. Однако на столе я заметила то, что подняло мое настроение.

– Кофе! Настоящий кофе, – воскликнула я и потянулась к стакану, на котором черными жирными буквами было написано мое имя. *Спасибо тебе, американская сеть кофеен, за то, что ты принесла в Англию прекрасные кофейные зерна.* Я взяла стаканчик в руку, в то время как мама захлопнула за собой дверь и закричала:

– Стоять! – Я испуганно развернулась к ней. Она злилась на меня? Серьезное выражение лица ей удалось сохранить лишь на мгновение, затем оно рассыпалось, и раздался радостный смех. Она заправила темные пряди волос за уши и подошла ко мне.

– Я купила кофе и делаю первый глоток! – Закатив глаза, я протянула маме стаканчик. Она избавилась от туфель, швырнула их под стол и взяла у меня из рук стакан. Перед тем как сделать глоток, она обняла меня за плечо и прижала к себе. Ее характерный запах – смесь духов, кофе и жвачки – проник в мой нос, и я успокоилась. Он всегда напоминал мне о доме. Мышцы расслабились, и я почувствовала сильную усталость, пронизывающую меня до самых костей.

– Спасибо за спасение, мам. И за то, что ты сначала заехала за кофе. – Я говорила это серьезно. Другие, может быть, на моем месте стали расстраиваться, но я радовалась. Прежде всего тому, что после того пошла мне приготовили напиток по специальному рецепту. Мы закончили обниматься, и мама сделала большой глоток, затем отдала мне стакан и приземли-

лась на стул. Я попробовала кофе. Ммм, приторно сладкий карамельный макиато. Потрясающий выбор, особенно хорош, чтобы перебить соленый вкус во рту. Будто она знала. Кожаный диванчик для посетителей закрипел, когда я на него села. Мама улыбнулась.

– Что произошло, Малу? Две недели назад ты рассказывала мне про смерть мистера Эвенса, а сегодня мне звонят и говорят, что ты появляешься на другом месте преступления.

Я рассказала ей о том, что сегодня произошло. Она нахмурила лоб и показала жестом, чтобы я снова дала ей кофе.

– Это уже немного странно. Ты должна признать. – Она повернула стаканчик в руках. О нет. Этот взгляд был мне знаком. У нее сработала интуиция.

– Конечно, это так, – признала я. – Но как я могла рассказать твоему детективу, каким образом я оказалась на месте обоих преступлений? Ведь рассказывать о Литерсуме – табу. Как ты думаешь, что здесь происходит?

Мама провела рукой по волосам.

– Не знаю. Я с неохотой признаю это, Лу, но сомневаюсь, что речь идет о случайностях. Одна случайность, о'кей. Но несколько – это уже закономерность. Эти два убийства связаны между собой. Возможно, есть связь между мистером Эвенсом и мистером Хольтом, и это не ты, мы должны сперва все выяснить. Может быть, оба посещали один и тот же писательский курс или познакомились на форуме в интернете. Но боюсь, тут все не так просто. Моя интуиция ведет меня в другом направлении.

Черт. Если мама так считала, значит, за этим скрывалось что-то серьезное. Но все внутри меня противилось этому. Кроме меня, должна была существовать хоть какая-то связь между этими двумя жертвами. Или? Если нет, тогда... Кофеин начал действовать, сердцебиение участилось, хотя я чувствовала себя вяло.

– Как ты собираешься выяснить, связаны ли убийства с Литерсумом или... со мной? Я виновата в том, что эти мужчины мертвы?

Мама поставила стакан на стол и подошла ко мне. Она опустила на корточки перед креслом и положила ладонь мне на щеку.

– Не ломай себе голову, Лу. Я лично об этом позабочусь. И пожалуйста, не упрекай себя. Единственный, кто виновен в смерти этих мужчин – это убийца. Даже если ты являешься связью между ними. Быть может, есть другое объяснение. Я разберусь во всем, что мне удастся найти. – Она любяще смотрела на меня, когда говорила это. Осознание, что мама на моей стороне, дало мне облегчение. Если кто-то и сможет выяснить, что тут происходило, это она. Она нажала мне на кончик носа, и я ухмыльнулась.

– Ты обязательно должна поговорить об этом с Томом. Если это как-то связано с писательством или с тобой, у меня, к сожалению, связаны руки в Литерсуме, мне понадобится помощь. Тогда только он сможет нам помочь. Или, может быть, Эмма.

– Или миссис и мистер Пэттон и управление... – Я скривила лицо от этой мысли, и мама повторила за мной. Она тоже не была в восторге от этих двоих, которые полгода назад ворвались в нашу жизнь и все изменили.

– Будем надеяться, – она вздохнула, – что нам не понадобится их помощь.

Мы на некоторое время погрузились каждая в свои мысли. Я больше не могла ничего предпринять, а маме сначала было необходимо прочитать досье и дела. При условии, что по сегодняшнему убийству уже была собрана хоть какая-нибудь информация. В Метрополитене иногда требовалась вечность, чтобы все отделы предоставили свои результаты. Быстрое задержание по результатам теста ДНК – такое было возможно лишь в телевизоре.

– Я думаю, мне в любом случае стоит на время отложить работу антимузы. Пока дела не будут раскрыты. Ведь, если... если я как-то с этим связана, я не смогу продолжать, как раньше.

Мама кивнула.

– Это правильное решение и очевидное для всех. Сейчас тебе стоит пойти домой и успокоиться. Об остальном я позабочусь.

Скрепя сердце я попрощалась с мамой и покинула Скотленд-Ярд. На улице натянула на голову капюшон, потому что ужасно замерзла. На самом деле я должна была испытывать голод, мой желудок зловеще урчал. Мне нужен был свежий воздух, поэтому я пошла куда глаза глядят.

Смерти каким-то образом были связаны со мной. Должно быть. Хоть в тот момент я и надеялась на случайность. Или? Может, существовало логичное объяснение, которое могло навести на нужный след? Недаром прекрасная немецкая поговорка, которую я узнала на одном из курсов в университете, гласит: «Когда случайность спутывает карты, игра теряет смысл».

Или я потеряла рассудок, или я была вовлечена в два убийства, и у меня большие неприятности. Обе перспективы радужными мне не казались.

Глава 7

Была почти полночь. Время с момента моего задержания у дома мистера Хольта пронеслось незаметно. Небо затянулось облаками, собирался дождь. Я, как подлинная англичанка, должна была на такой случай всегда носить с собой зонт. Но не тут-то было. Даже в этом я представляла противоположность принятому. Антиноситель-с-собой-зонтов, антилюбитель-чая и антимуза. Кто знал, что еще можно было насобирать в этот список?

Я бродила неуверенно по улицам, которые даже в это время суток были наполнены людьми. С одной стороны, я хотела как можно скорее поговорить с Томом и поставить его в известность о новом повороте событий, но, с другой стороны, мой желудок урчал от голода, ведь мою вкусную еду из китайского ресторана выбили у меня прямо из рук. Кстати, о еде. Шелдон наверняка с нетерпением ждал меня и, особенно, наполненную миску. Из-за стресса мама, скорее всего, забыла покормить маленького толстячка. Весь гнев Шелдона обрушится на меня. Великолепно. Но в благодарность за сегодняшнее впечатляющее спасение и кофе я была готова смириться с этим.

Чтобы две невинные души не страдали от голода, я решила сначала купить что-нибудь поесть и только потом направиться домой. Ведь таким же пустым, как миска Шелдона, был и наш холодильник.

Я повернула направо и отправилась в свой самый любимый магазин в Лондоне. Старая закусочная, излучавшая американский стиль. Там были стереотипные отполированные диванчики, алюминиевые столы и музыкальный автомат, крутящий одну песню. *Heartbreak Hotel*. Закусочная была названа в честь этой песни. Внутри, благодаря обитым деревом стенам и паркетному полу, царил уют. На стенах висели многочисленные полки, заставленные старыми радиоприемниками, бутылками из-под лимонада и другими раритетными вещами, которые старательно собирали посетители. Поэтому посещение закусочной было схоже с путешествием в прошлое. Казалось, внутри время остановилось в пятидесятых-шестидесятых годах, а из окон можно было наблюдать современные улицы, машины, телефоны и небоскребы. Прежде чем войти внутрь, я рассмотрела розово-голубую неоновую вывеску ресторанчика *Heartbreak Hotel*.

Кто-то наблюдал за мной.

Я почувствовала это, остановилась и мгновенно обернулась. Никого не было. У меня теперь еще и паранойя? Это действительно происходило в тот момент, когда я собиралась поесть? Когда я вновь повернулась ко входу и сделала еще пару шагов, в стеклянной двери увидела отражение человека, который подходил к дому с другой стороны улицы. Я вздохнула, наполовину с облегчением, наполовину раздраженно, потому что узнала его, хоть мы и встречались всего два раза. Даже его отражение свидетельствовало о его напряженной позе, и мне показалось, я разглядела зловещее выражение его лица.

Конечно, это было невозможно, но, казалось, это его постоянное выражение, ведь только таким я его и помнила. Очевидно, он мне не доверял и поэтому следил за мной. К счастью, в этом деле он был не так уж хорош. Я вошла в закусочную, поменяв планы. На стойке заказала горячий шоколад, эрл грей и большую порцию яблочных панкейков. Они были божественны, самое то, чтобы утолить ужасный голод. Я села за столик у окна, откуда можно было увидеть вход со стороны улицы. Где Лэнсбери наверняка пытался слиться с тенью. Я избавлю беднягу от страданий.

Немного погодя официантка принесла мой заказ. Молодая девушка, светлые волосы собраны в тугий пучок. На сером вязанном свитере прикреплена табличка с именем, ее звали Райли. Она поставила все передо мной на стол и улыбнулась.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Приятного аппетита, – дружелюбно ответила она. Райли взяла поднос и ушла. Я медленно отодвинула чай подальше от себя, словно он принадлежал моему невидимому соседу. Посмотрела в окно, где видела лишь темноту, и указала рукой на чай. Только потом попробовала панкейки. Ммм, я заслужила их после такого отвратительного дня.

Прошло совсем немного времени, и Лэнсбери медленно опустился на диванчик напротив меня. С очень недовольным лицом. Я подавила ухмылку, но мой пульс ускорился. Что он собирается делать?

– На курсе «Как стать настоящим шпионом» в школе полиции ты не блистал, верно? – спросила я, съев пару вилок панкейка. Он закатил глаза, взял сахарницу и добавил сахар в чай.

– Такого не существует, – сухо ответил он.

– А должен быть, судя по тому, как плох ты в этом деле.

– Я не подкрадывался к тебе или что-то в этом роде, заметь. – Он размешал чай.

– Называй это как хочешь, в любом случае ты сделал это неверно. – Он остановил на мне свой взгляд, и я чуть не подавилась панкейками.

– А ты умеешь лучше? Ты подкрадываешься к своим жертвам? – спросил он и оценивающе посмотрел на меня. Моя вилка на несколько секунд зависла в воздухе. Он все еще говорил про убийства или про моих настоящих жертв? Нет, об этом он знать не мог. Я опустила вилку и постаралась звучать естественно, когда ответила.

– Ты вправду думаешь, что я убийца? В таком случае тебе не было противно подсаживаться ко мне?

– Ты мне скажи.

– Я не убийца. Но тебя мое мнение не интересует, иначе оставил бы меня в покое. Разве еще час назад ты не надеялся, что мы никогда больше не встретимся? Зачем ты здесь?

Он спокойно глотнул чай, не спуская с меня глаз. Мне стоило много усилий, чтобы ответить на его взгляд и не уступить. Его глаза были, и правда, прекрасны. Он откинулся на спинку сиденья, словно слегка расслабился.

– Уговорить девушку, которую встретил в Скотленд-Ярде, выпить со мной чашечку хорошего чая, – ответил он и улыбнулся.

Он улыбнулся. И...

– Ты сейчас шутишь? – Я была поражена. Факт, что меня это так удивило, вернул ему самообладание, и улыбка на его лице застыла. Жаль. Так он хотя бы выглядел нормально. Даже

мило. А теперь снова сжал губы и, наверное, проклинал себя за мимолетную слабость. С громким звоном его чашка опустилась на блюдце, и ко мне вернулся старый добрый Лэнсбери. Он скрестил руки и положил их на стол, словно создавая между нами барьер. Однако таким неприступным, каким казался, он не был.

– Адамс послал меня. Я должен убедиться, что ты доберешься до дома. – В его словах я услышала недовольство.

– Я сама найду дорогу домой, спасибо.

– Приказ есть приказ, – ответил он.

Я закатила глаза.

– Отлично, ко мне приставляют телохранителя, который с удовольствием отправил бы меня в тюрьму. Очень тактично. А может, ты подкинешь мне какие-нибудь улики, которые сам же потом у меня найдешь? – Я разъяренно воткнула вилку в панкейк. Мой аппетит испарился.

– Малу, я... Извини за то, как вел себя раньше. Это было непрофессионально и невежливо, – пробормотал Лэнсбери едва слышно.

Сначала я подумала, что неправильно его поняла, и уже хотела ответить колким комментарием, но потом посмотрела в его глаза. В них не было ничего, кроме искренности. Он тяжело вздохнул, будто ему стоило больших усилий произнести эти слова, и сжал руки в кулаки. Готова поспорить, это извинение тоже было частью приказа Адамса. Но провоцировать его дальше я не стала.

– Спасибо. Правда. В следующий раз ты можешь сказать об этом более громко. – Когда я это сказала, он округлил глаза. Я сама подливала масла в огонь. Никогда не могла сдерживать язык за зубами, когда это было действительно необходимо! Я, извиняясь, подняла руку. – Это была шутка. Очень неуместная, извини. Хотя я и не связана со всем этим, день для меня выдался напряженный. Просто устала. – Я отпила горячий шоколад. Кофеина мне было уже достаточно, если я хотела уснуть ночью.

Лэнсбери молчал. Краем глаза я увидела, что он поднял руку, и мне показалось, будто он хотел протянуть ее ко мне... но он лишь взял чашку и опустошил ее. Я смотрела в окно. Уже несколько минут мы оба молчали. Музыкальный аппарат не переставал крутить Heartbreak Hotel.

Элвис посоветовал мне пойти на Улицу одиночества и посетить Heartbreak Hotel, если мне захочется поделиться грустной историей.

Спасибо, Элвис, можешь приберечь свои мотивационные высказывания.

– Малу? – От прекрасного голоса, который произнес мое имя, у меня побежали мурашки по спине. Черт, я, кажется, на самом деле очень устала. Подняла глаза на Лэнсбери, и меня удивила смесь напряжения и беспокойности, которые читались на его лице. Я кивнула, приглашая его продолжить.

– Как ты связана со всем этим? – Его голос и поведение давали понять, к чему он клонил. Я хотела начать спорить, но он не дал мне сказать ни слова. – Не пытайся соврать. Ты как-то связана с этим. Я знаю. Может, ты и не убийца, но между преступлениями существует связь: ты. Только пока не знаю, какую роль ты играешь. Возможно, ты лишь часть большого целого, но думаю, ты все-таки имеешь какое-то значение в этой истории.

– Как ты пришел к этому? – спросила я серьезно, заметив, что любое мое проявление чувств могло послужить для него доказательством моей причастности. Он наклонил голову.

– Это не случайность.

– Дурацкое объяснение.

– Тогда назовем это интуицией.

У него, должно быть, была чертовски хорошая интуиция, если, несмотря на неопределенные обстоятельства, он все равно видел какую-то связь. Так же, как мама. И я, хотя и не признавая этого. Как же мне хотелось рассказать ему правду, ведь это настолько исправило

бы положение дел. Но я не имела права. Миссис Пэттон строго-настрого запретила. Никто, кроме мамы, не мог знать о моей работе антимузой. Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как продолжать вести себя как дерзкая девчонка, которую и видел во мне Лэнсбери. Подобно миссис Пэттон, которая постоянно винила меня в том, к чему я даже не была причастна.

– Знаешь, что я думаю? – спросила я и наклонилась к нему. – Тебе во мне что-то не нравится, и поэтому ты хочешь вовлечь меня в это дело. Что это? Лицо? Шмотки?

Он уловил мой взгляд, но не выразил никаких эмоций. Только мерцание его глаз выдавало полыхающий внутри огонь. В следующее мгновение он встал и удалился.

– Спасибо за чай, – зло бросил он перед тем, как исчезнуть.

Почти разочарованно я допила остатки какао, которое уже стало невкусным. Такой реакцией я, наверное, разрушила всякую симпатию между нами. На мгновение я действительно подумала, что за твердой оболочкой скрывается мягкая сердцевина. Возможно, мы могли бы подружиться, если бы встретились при других обстоятельствах. Но так было лучше. Я могла не бояться, что случайно разболтаю, как на самом деле связана с жертвами.

Жертвы... Еще две недели назад не подозревала, что окажусь втянута в историю с убийством. А тут их было целых два. Лэнсбери, может, и был плохим шпионом, но с такой интуицией он мог стать выдающимся детективом. Я надеялась, что мой случай не станет единственным, когда великолепное чутье не подвело его. Хотя, должна признать, я посмотрела бы, на что он способен. Ведь мне точно так же, как и ему, хотелось докопаться до истины. К сожалению, мы были из двух разных вселенных, а я к тому же была глупа и наивна и цеплялась за слово «случайность».

Спустя пятнадцать минут я повернула на свою улицу. Через плечо заметила тень человека, который не сильно старался от меня спрятаться. Я остановилась, он тоже. Я, улыбаясь, продолжила путь. Немного погодя позади снова послышались шаги, и когда я повернула к крыльцу своего дома, мимо пробежал Лэнсбери.

Приказ оставался приказом. Он действительно доставил меня в сохранности домой. Не поворачиваясь, я пожелала ему спокойной ночи и вошла в подъезд. Если ответ и прозвучал, его я уже не слышала.

Глава 8

Шелдон не знал пощады и разбудил меня следующим утром ужасно рано. Он топтался по моей груди и, когда я открыла глаза и зло посмотрела на него, прикинулся невинным.

– Не притворяйся, – сказала я, – разве тут есть еще один надоедливый кот, который меня достает? – Как только я закрыла глаза и обратно упала на подушку, маленькие лапки продолжили топтаться по мне. Упрямец! – Ну хорошо. Я сдаюсь! – Громко ворча, откинула одеяло и сползла с кровати. Шелдон, несмотря на маленькое брюшко, был быстрым и укрылся от меня, чтобы я не сбросила его с кровати. Он с высоко поднятым носом прошагал из моей комнаты в коридор. Его «МЯЯЯУ!» заставило меня поспешить. Я накинула свитер, натянула домашние тапочки и последовала за изголодавшимся котом.

На кухне достала металлическую банку с кошачьим кормом из верхнего ящичка и наполнила миску Шелдона. Но если бы кто-то предположил, что Шелдон набросится на корм, то ошибся бы. Он был настоящим английским джентльменом, ел медленно, с наслаждением. Я надежно спрятала корм в шкафу. Он хранился на самом верху, потому что это было единственное место, куда Шелдон не мог самостоятельно забраться. Это я выяснила методом множества проб и ошибок. Его маленький животик, который в последнее время медленно исчезал, появился не сам собой. Шелдон с наслаждением хрустел сухим кормом и даже не отвлекся, когда мама вошла в квартиру.

Я услышала звон ключей, опустившихся на комод, и грохот туфель, упавших на пол. Мама довольно выдохнула, когда наконец избавилась от шпилек. Пару секунд спустя она стояла в дверном проеме кухни. Она была одета в ту же одежду, что и вчера вечером, и выглядела немного растрепанной.

– Мам! Ты всю ночь провела в Ярде? – Я взяла у нее из рук сумку и документы и положила на барную стойку. Наша кухня была достаточно маленькой, и для нас двоих здесь было тесно.

– Я всю ночь сидела с документами мистера Эвенса и мистера Хольта. По крайней мере, с теми, что уже подготовлены. Но этого мало.

– Тебе удалось что-нибудь выяснить? – Я заполнила кофемашину водой, а фильтр молотым кофе. Пока мама рассказывала, я включила кофемашину, и спустя пару секунд кофейный аромат распространился по кухне. Этого было достаточно, чтобы проснуться.

– К сожалению, ничего нового. И никакой связи между жертвами. Они были убиты разными способами. Ничего, что говорило бы об одном преступнике.

– Что это значит?

Мама, проходя мимо меня в гостиную, пожала плечами. Гостиная, в отличие от кухни, была достаточно большой. Мама опустилась на диван и закинула ноги наверх.

– Честно, Лу, я не знаю. Но все выглядит не очень хорошо. Ты – единственная связь между преступлениями. Но, может быть, я найду что-нибудь еще. Я должна найти. – Она произнесла это сухо, словно все еще находясь в своей роли полицейского.

– Ах, мамочка, что бы я делала без тебя. – Возможно, это звучало немного наигранно, но я говорила это совершенно серьезно. Без мамы я бы пропала. Кто, если не она, мог докопаться до истины.

На ее губах появилась ухмылка.

– Без меня ты до сих пор сидела бы напротив Криса, играя в «кто кого переглядит».

– Крис?

– Лэнсбери.

– Вау, у мистера суперкопа на самом деле есть имя. Крис. Звучит миленько. Но совсем не подходит ему. – Таким, как он, больше подходят имена вроде Дэймон, Коул. Крис звучало слишком обычно.

– Лэнсбери действительно суперкоп. Он самый молодой из всех, кому удавалось попасть в молодежную программу Метрополитена. Адамс рассказал, что он отвел тебя вчера домой, – сказала мама, слегка покашляв. Словно подросток, которому хотелось посплетничать.

– Я бы не назвала это так. Он шпионил за мной, а потом просто дождался, пока я не зайду в подъезд. – Конечно, был еще эпизод в Heartbreak Hotel. Но его я записала бы в раздел «Провалы».

– Ну я считаю, – протянула мама, – что это было действительно очень чутко и мило с его стороны.

– Если ты так перефразировала *исполнение приказа*, то очень даже. – Кофемашина пропичкала, для моих ушей этот звук был подобен музыке. Я вернулась в кухню и вытащила две чашки из шкафа. Шелдон до сих пор хрустел кормом. Рядом с миской лежали кусочки в виде рыб. Я снова купила не тот корм. Шелдон брезговал этими кусочками и всегда выбрасывал их из миски. Рыбу он ел, только если она была настоящей. Да, настолько он был избалованным. Это мы его таким воспитали?

В следующее мгновение в дверном проеме появилась мама, нахмутив лоб.

– Что ты имеешь в виду под фразой «исполнение приказа»?

Прежде чем ответить ей, я налила кофе в чашки и протянула ей одну.

– Я имею в виду, что Адамс поручил ему проводить меня до дома.

– Но мне передали иначе. Тоби рассказал, что это была идея Лэнсбери.

– Тоби? – Я ухмыльнулась. Наверняка она назвала Лэнсбери по имени, чтобы вызвать у меня любопытство. Но в случае с Адамсом все было по-другому. Она никого не называла по именам. – Mam, может быть, ты хочешь мне что-то рассказать? – Теперь я бы не сдалась так быстро.

И вдруг это произошло: мама покраснела. Еще сильнее, чем в последний раз, когда я расспрашивала ее об этом.

– Мы с Адамсом немного больше, чем просто коллеги. Мы уже давно знакомы. За исключением вчерашнего эпизода, мы хорошо ладим. – Я хотела расспросить ее, но она добавила: – Не уходи от темы, Малу! Лэнсбери хотел проводить тебя до дома. Мне кажется, ты ему понравилась! – Она засмеялась. В моем желудке все неприятно сжалось.

– Да, я нравлюсь ему в качестве подозреваемой. Возможно, он боится, что мы с миньонами снова кого-нибудь прикончим, и поэтому шпионит за мной. – Я ответила глупой шуткой,

но не смогла придумать ничего лучше. Тот факт, что я могла понравится мистеру Ледышке, был настолько абсурдным, что только такой ответ казался единственно верным. Дебильная шутка. Мама на нее не клюнула, вместо этого ущипнула меня за щеку.

– И он тебе тоже нравится!

Я отклонилась от нее и запротестовала.

– Это парень-подозрение! Ты видела, как он со мной обращался? Как с преступником. Он смотрел на меня так, будто я напала на него лично. – Говоря это, я размахивала руками, и капля кофе угодила прямо в миску Шелдона.

– Мррмяу! – возмутился кот. Это было что-то среднее между мурлыканьем и рычанием. Затем Шелдон попробовал намокший от кофе кусочек корма и вдруг с наслаждением продолжил жевать. Если так пойдет дальше, у нас в доме на одного кофемана станет больше.

– Лу, мужчины – они такие. Они не умеют по-другому выражать чувства, поэтому используют старые приемы. Милые бранятся, только тешатся... – Почему маме было так весело? Ей нравилась мысль, что мы с Лэнсбери могли друг другу нравиться? Невозможно. Не было никого, кто нравился бы мне меньше, чем он. Ну ладно, был такой человек. Миссис Пэттон. Ее еще никому не удавалось свергнуть с пьедестала моих антипатий. Пока.

– Мам, я больше не хочу слышать этот бред. Я не нравлюсь ему, и он мне не нравится. Возможно, мы больше никогда не увидимся. Лучше расскажи, что у вас там с Адамсом? С Тооби? – Его имя я произнесла так, как она в начале разговора. Мама стояла неподвижно и какое-то время ничего не отвечала.

– Оставим мужчин и будем завтракать? – Предложение мира.

Конечно, мне хотелось узнать больше, но в то же время не хотела продолжать дальше играть в «Вопрос-ответ». Если мама захочет рассказать про Адамса, она расскажет. Ведь мы говорили с ней практически обо всем. Я готова была пока отложить этот вопрос. Так было честно.

– Договорились. Я схожу в пекарню за бейглами, а ты пока включай «Утренний журнал». Посмотрим, чем занималась королевская семья на этой неделе.

Для нас это стало обычаем. Каждое субботнее утро мы вместе смотрели это шоу, в котором освещалась и подробно разбиралась жизнь королевской семьи. В последнее время хороших новостей было больше, все из-за королевских новорожденных внуков. А мне в настоящий момент не помешали бы хорошие новости.

Глава 9

Два часа просмотра фотографий детей королевской семьи подняли мое настроение настолько, что я смогла вернуться к серьезным жизненным вопросам. А в данный момент они были связаны с именами миссис Пэттон и Тома. Оба еще не знали о случившемся, и мне предстояло это изменить. Я оставила маму и Шелдона мирно дремать на диване и отправилась в книжный магазин. Суббота для многих была днем шоппинга, и я решила пойти в книжный, расположенный на менее оживленной улице.

Меньше людей – меньше свидетелей, как я применяю свою магию, чтобы попасть в Параби. Не то чтобы я уже привлекала к себе внимание, но лучше было перестраховаться. К тому же из-за всех этих событий у меня появилась склонность к паранойе. Я несколько раз огляделась, но не заметила ни подозрительных людей, ни Лэнсбери. Первое меня успокоило, а вот насчет второго... да, конечно, все хорошо! Маме не удастся внушить мне эту глупую мысль. Ни за что мы не *понравились бы друг другу*. Ничто так не противоречило реальности, как эта мысль.

По дороге в магазин я вытащила телефон из кармана кофты и позвонила Тому. Прозвучало два гудка, прежде чем Том поприветствовал меня мечтательным голосом.

– Привет, Малу! – На заднем плане было слышно, как захлопнулась книга. Я снова потревожила Тома во время чтения. Еще одна вещь, которая у меня хорошо получалась.

– Хэй, Том. Мы могли бы встретиться в Параби через двадцать минут?

– Конечно. Ты уже выполнила задание?

– Не совсем. Я расскажу тебе все при встрече, хорошо?

– Конечно, без проблем. Тогда до скорого! – Он положил трубку и наверняка прочитал еще парочку страниц, прежде чем отправиться в путь. От его квартиры до двери ближайшего книжного магазина было недалеко, и он точно прочитал бы еще полглавы. Он был и оставался неисправимым книжным червем. С антимузой в качестве тяжелой ноши. Бедный парнишка.

Я на секунду забежала в пекарню и купила Тому в качестве компенсации пару булочек. Хоть книжные персонажи и оставались неизменными по своей сути, такие потребности, как еда или сон, были им не чужды.

Я прошла мимо нескольких домов до книжного магазина «Ридерс-Поинт» и вошла внутрь. Не успела я сделать и пары шагов по фойе Параби, как меня окликнула миссис Бэдэм, которая стояла у стеллажа и сортировала книги. Ко мне спиной.

– В моей библиотеке нельзя крошить, мисс Уинтерс. – Ничего не сказав, я помахала рукой, и она ответила на это довольным фырканьем. Я быстро пошла дальше, чтобы больше ничего не выслушать. Учитывая, что крошки, можно сказать, были наименьшей проблемой для нее в тот день. Субботы в Параби всегда были оживленными. И в библиотеке царил настоящий хаос.

Повсюду валялись книги, даже на табуретках лежали стопки книг, дети беспорядочно расставляли их на полках, и уровень шума был намного выше, чем тот, с которым миссис Бэдэм мирилась в течение недели. Но в этом хаосе она видела восхищение книгами, поэтому раз в неделю закрывала на все глаза и воздерживалась от комментариев.

Следуя спонтанному порыву, я положила одну булочку на салфетку и оставила на письменном столе миссис Бэдэм. Позже ей наверняка понадобится восполнить энергию. Такими же оживленными, как книжные ряды, были и места отдыха, расположенные по периметру Параби. Почти все столы и кресла были заняты читающими людьми. Только снова обведя взглядом Параби, я обнаружила свободный стол в дальнем углу, который как можно быстрее и оккупировала.

К столу мне пришлось бежать между другими, словно проходя трассу слалома, при этом я высматривала какое-нибудь знакомое лицо среди книжных персонажей. По крайней мере, в том виде, в каком я их себе представляла. Персонажи в Литерсуме выглядели для каждого по-разному. Это мы с Эммой выяснили, когда обсуждали внешность одного героя фантастического романа. Он стоял в нескольких метрах от нас, и мы описывали его совершенно по-разному, хотя опознали в нем одного и того же персонажа. Мы пришли к выводу, что в данном случае нет правильного или неправильного представления и что именно в этом и заключалась магия Литерсума.

Неправильной в глазах персонажей была лишь я. В тот день я, как водонепроницаемая ткань, отталкивала их мрачные взгляды, подобно каплям воды, не давая им пропитать меня насквозь. Желаящих вывести меня из себя было столько, что им пришлось бы встать в очередь.

Прошло совсем немного времени, и из-за угла появился Том. Он нашел меня не сразу, мне пришлось встать и помахать ему. Поздоровавшись с парой знакомых, он сел ко мне. Они проводили его взглядом, но он не обратил на это внимания. Серо-коричневый твидовый костюм Тома был немного помят, а его волосы, как всегда, торчали в разные стороны. Я протянула ему булочки, и он засветился от счастья. Он аппетитно откусил кусочек, и я пододвинула к нему документы мистера Хольта, которые достала из сумки.

– Том, мистер Хольт был убит, – прямо сказала я, потому что такое нельзя было красиво перефразировать.

Он перестал жевать, и его глаза расширились. Спешно проглотив, он стал испуганно заикаться.

– Что... но... мистер Эвенс... снова? – Он опустил булочку на салфетку, его радость как ветром сдуло. Он быстро стер сахарную пудру с щеки.

Я вскочила.

– Это шокировало меня так же, как и тебя, поверь.

– Это не может быть случайностью!

– Чтобы осознать это, мне понадобилось два часа просматривать детские фотографии, – ответила я и опустила на стул. Так и было. В какой-то момент, во время просмотра новостей о прибавлении в королевской семье, я призналась себе в этом. Я была единственной связью между мистером Эвенсом и мистером Хольтом. Смерти каким-то образом были связаны со мной или с Литерсумом. Мама так сказала, Лэнсбери также, и я сама опасалась этого. Но как

все могло пойти так далеко? Что за причины были у кого-то для убийства двух начинающих авторов?

Том откашлялся.

– Это... Есть какие-то улики, подозрения? Или таких много?

– В данный момент я не знаю абсолютно ничего, и это самое страшное. Пока я – единственное, что объединяет убитых. Так думает даже полиция.

– Полиция?! – Том стал выглядеть еще более шокировано, чем прежде. Я рассказала ему об инциденте возле дома мистера Хольта, включая мое «задержание» и разговор в участке. И то, что мама меня спасла, и то, что перед нами была загадка. Том некоторое время размышлял над моими словами. Он открыл папку с документами мистера Хольта и грустно рассмотрел фото мужчины. Я тем временем оторвала кусочек древесины, торчащий из края стола. А если Том тоже отвернется от меня? До этого момента ему, в отличие от других персонажей, не мешало мое «наследство», и он обращался со мной вполне непредвзято. Изменится ли это? Лежало ли между нами на столе подтверждение, что я несла в мир зло, как и отец?

– Давай посмотрим на это реалистично, – начал Том. Я нахмурила брови и с недоверием посмотрела на него.

– Реалистично? Ты? – Я усмехнулась, потому что было действительно забавно слышать такое утверждение от человека, который провел свою жизнь среди книг, в прямом и переносном смысле. Том не дал сбить себя с толку и продолжил. Таким серьезным я его еще никогда не видела, правда.

– Как я и сказал, реалистично. Если это, действительно, каким-то образом связано с тобой и твоей работой в качестве антимузы, существует лишь один человек, способный нам помочь.

– Миссис Пэттон, – пробурчала я. Я догадывалась, к чему он ведет.

– Миссис Пэттон, – подтвердил он, тоже без особого восторга. Но мне было ясно: обращение к миссис Пэттон одновременно означало обращение в управление муз. У меня появился шанс увидеть управление изнутри.

– Мы можем пойти сейчас к ней в управление и поговорить? Так было бы проще всего, верно?

– Без предупреждения я бы этого делать не стал. Там очень... своеобразно. Я спрошу.

– Ну здорово, – проворчала я.

Том позвонил миссис Пэттон, и, конечно, она не пригласила нас в управление. Она уже хотела положить трубку, но Том рассказал ей про убийство мистера Хольта. Последовало молчание. Затем миссис Пэттон пробормотала несколько слов и завершила звонок. Том с напряженным лицом опустил руку и положил телефон на стол. *«Все начинается просто великолепно»*, – подумала я.

– Она направляется к нам. Нам нужно подождать.

Пока мы ждали, я становилась все более раздраженной и не произнесла ни слова. Ведь даже хотя я не знала, как она отреагирует, разговор вряд ли будет приятным.

Сначала я подумала: землетрясение!

По крайней мере, мне бы так хотелось, ведь настоящая причина громких ударов – согласна, почти воображаемых, – и сотрясения пола была далеко не такой прекрасной. Каблуки миссис Пэттон энергично стучали по паркетному полу библиотеки. На ней была темная юбка-карандаш, кроваво-красная блузка, а на голове пучок, которому позавидовала бы любая балерина. Высоко подняв голову, она прошла мимо кафедры миссис Бэдэм прямо к нашему столу. Библиотекарь бросила злобный взгляд на миссис Пэттон, но ничего не сказала. Даже та, которую все так боялись и уважали, не посмела восстать против нее. Другие посетители Парابي направили все свое внимание на начальника управления и затихли. Они наверняка задавались вопросом, на кого же выплеснется ярость этой фурии, которая всех так напугала.

– Малу Уинтерс и Том Альмон. Сейчас же за мной! – прогремела миссис Пэттон. Она указала на один из читальных залов, которые находились чуть в стороне от зоны отдыха. Она пронеслась мимо нас в том направлении. Мы с Томом поднялись и последовали за ней. Все затаили дыхание, когда мы приближались к двери читального зала, в котором миссис Пэттон уже ждала нас. Я бы отдала все деньги мира, чтобы на моем месте оказался кто-нибудь другой.

Как только за нами захлопнулась дверь, миссис Пэттон развернулась, сверля нас с Томом взглядом, и поджала губы. Она, как всегда, не выглядела на свои сорок с лишним лет. Со скрепченными на груди руками она возвышалась над письменным столом, и клянусь, она оторвала бы нам головы, если бы хоть один из нас решился сесть. Мы с Томом остались стоять и изо всех сил старались выглядеть ненапуганными.

– Пожалуйста, скажите, что это всего лишь глупая шутка, из-за которой я вышвырну вас из управления, – закричала она. Я готова была поспорить, что даже несмотря на хорошую шумоизоляцию стен, ее было слышно снаружи. Интересно, все уже сбежали? Я собрала все свое мужество в кулак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.